

Дарья Донцова

Вулкан страстей
наивной
незабушки

Детектив на диете **Татьяна Сергеева**

Дарья Аркадьевна Донцова
Вулкан страстей
наивной незабудки
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 20

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19098513

Вулкан страстей наивной незабудки: Издательство «Э»; М.; 2016

ISBN 978-5-699-89416-1

Аннотация

Татьяна Сергеева возглавила новую бригаду по розыску пропавших людей. Не успели сотрудники притереться друг к другу, как появилась первая клиентка. У Галины Сергеевны почти год назад пропала дочь Гортензия. Девушка сбежала от матери, решившей выдать ее замуж. Горти оставила записку, в которой просила ее не искать, вопреки желанию матери она хочет стать певицей. Маменька же упорно считает, будто дочь похитили, ведь о своих намерениях Горти не поведала даже верной подруге Карине. Но полиция отказалась искать пропавшую, поскольку та сама ушла из дома. Дочь каждый месяц присылала открытки, а когда те перестали приходить, мать обратилась в особую бригаду. Татьяна взялась за дело, по мере расследования ее новые

сотрудники откопали массу невероятных фактов. Оказалось, маменька и подруга Карина много врал и еще больше скрывали. Но Сергееву не проведешь! Она вызвала огонь на себя и обыграла всех!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	71
Глава 9	82
Глава 10	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дарья Аркадьевна Донцова
Вулкан страстей
наивной забывки

© Донцова Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Если хотите, чтобы мужчина от вас навсегда сбежал, начните выяснять с ним отношения.

Я молча стояла в углу лифта, слушая, как ругаются соседи, живущие на несколько этажей выше. К сожалению, я не поняла сразу, что они затеяли перепалку, машинально шагнула в кабину, когда та приветливо раздвинула двери, и сказала «Доброе утро» мужчине и женщине, которые уже находились внутри. Этих людей я регулярно встречаю по утрам, они уходят на работу в половине восьмого, я тоже частенько в это время спешу на службу. Дружбы между нами нет, знаю лишь, что мужа зовут Семен, а жену Лена. Как правило, они вежливо здороваются и иногда заводят разговор о погоде. Вчера, например, в ответ на мое приветствие Семен сказал:

– Сегодня ужасный дождь, хлещет как из ведра.

Я подхватила:

– Неудачный июнь в этом году, прямо залило нас.

– Даже на дачу неохота ехать, – добавила Лена.

– Да, да, – кивнула я.

Порой я сталкиваюсь с Сеней и вечером, он поздно возвращается с работы, а я тоже могу приехать домой около полуночи. Мы улыбаемся друг другу, и у нас вновь завязывается беседа на излюбленную для российского человека тему про погоду. Я выхожу на своем этаже, Семен едет дальше.

За несколько лет общения в лифте я успела выяснить, что у супругов нет детей и что они нежно относятся друг к другу. Семен иногда входит в подъезд с букетом, по субботам-воскресеньям я вижу, как принаряженные муж с женой садятся в машину, они явно направляются в гости или в театр. По утрам от Семена никогда не несет перегаром, я ни разу не видела его пьяным. Лена зимой носит красивые шубки, а летом дорогие платья, и сумки-обувь у нее совсем недешевые. Никогда на моей памяти супруги не выясняли отношений. Наверное, они, как все, иногда скандалят, однако при мне этого ни разу не случилось. Но сегодня мое «Доброе утро» повисло в воздухе. Похоже, соседи не заметили, что в кабине появилась я, Таня Сергеева. Лена, всхлипывая, напала на мужа:

– Нет, объясни свою позицию.

Семен молча смотрел в пол, а жена не успокаивалась:

– Давай выясним наконец отношения. Почему...

Муж ткнул пальцем в кнопку с цифрой «3», вскоре лифт замер и открыл двери. Семен вылетел на лестничную клетку и заорал:

– Надоели твои придирки. Конкретно поперек горла стоят. Хочешь собаку? Заводи. Но тогда я из дома уйду. Выбирай: или я, или псина!

Лена зарыдала в голос, а я не знала, куда деваться, хуже нет стать свидетельницей скандала. Семен побежал по лестнице вниз. Кабина тоже поползла на первый этаж. Елена

горько плакала.

Да уж, если хотите, чтобы муж от вас навсегда сбежал, начните выяснять с ним отношения.

Я не знала, как быть: утешать Лену? Или сделать вид, что не слышала злых слов ее мужа и не вижу слез, которые горохом катятся по ее щекам. Слава богу, ехать было недолго. Пробормотав: «До свидания», – я выскочила во двор, села в джип и поехала к шлагбауму. Когда я въехала в квартиру в этом доме, чтобы не вызывать у любопытных соседей вопрос: «Откуда у простой преподавательницы мощный дорогой автомобиль?» – я оставляла машину на ночь на подземной стоянке расположенного рядом супермаркета. Но потом около подъезда стали появляться «Порше», «БМВ», «Мерседесы» – все машины бизнес-класса, и я перестала шифроваться. Это раньше дорогой автомобиль свидетельствовал о вашем толстом кошельке, теперь же он может говорить о размере кредита, который владелец взял в банке.

Доехав до охранника, я увидела около шлагбаума растерянную Елену, поняла, что разъяренный Семен уехал один, и высунулась в окно.

– Вас подвезти?

– Добросьте до метро, – обрадовалась соседка, – оттуда до Библиотеки Ленина я быстро доберусь.

– Поеду по Воздвиженке, – улыбнулась я, – могу до места вас доставить.

– Вот спасибо, – принялась благодарить Лена, залезая в

кабину. – Ого, сколько у вас тут кнопок, тумблеров, прямо пульт управления космическим кораблем.

– Джип достался мне от бывшего мужа, – привычно соврала я, – он машину как-то улучшил, чего-то в нее напихал, но я в его прибабасах не разбираюсь, разве что радио иногда включаю.

Некоторое время мы ехали молча, потом на торпедке замигала зеленая лампочка, я нажала пальцем на квадратную клавишу, огонек погас, я схватила мобильный.

– Иван Никифорович, еду к вам, не беспокойтесь, начну урок вовремя.

– Понял, кто-то посторонний в машине, – буркнул шеф, – жду.

Я поставила трубку в держатель и опять принялась фантазировать:

– Я веду уроки в нескольких частных гимназиях, в одной недавно сменился директор, теперь там в кресле начальника очень нервный человек, всегда беспокоится, не опоздает ли педагог.

– Я работаю управляющей спа-салонем, – вздохнула Лена. – У нас такая клиентка есть, запишется на маникюр и дай администратора дня за три до назначенного срока терзать, до икоты ее доведет, каждый час звонит и спрашивает: «Мастер Краснова не болеет?», «Она меня точно примет?». «Приеду в семь, маникюрша не опоздает?» Пару раз она появлялась, когда у Красновой еще клиент сидел, и закатыва-

ла скандал, показывала на часы и кричала: «Сейчас девятнадцать ноль три. Почему меня в семь не приняли? Безобразие. Я занятой человек». Мы обрадовались, когда она нас посещать перестала. Таня, у вас есть дети?

Я удивилась бестактному вопросу.

– Нет.

– А почему? – не удовлетворилась ответом Лена.

Я притормозила у светофора.

– Можно назвать несколько причин, но главная одна: я не встретила пока мужчину, от которого бы хотела родить. Я не очень чадолюбива, да и работа такая, что малыш с младенчества окажется на руках у няни, а это нехорошо.

Елена вынула из сумки бумажный платок и приложила к глазам.

– Слышали сегодня, как мы в лифте скандалили? А, не отвечайте. Конечно, слышали. У нас с мужем нет ни сына, ни дочери. А почему? Мы очень рано поженились. Сеня только военное училище закончил, а я диплом медсестры получила. Мужа распределили в Барнаул, он ракетчик, сидел там на каком-то пульте. Жили мы не в самом городе, а рядом. Денег кот наплакал, для меня работы в военном городке не нашлось, существовали на Сенину зарплату, а ее выдавали нерегулярно. Я было заикнулась: «Давай ребеночка родим». Супруг руками замахал: «Не сейчас, надо на ноги встать».

Лена отвернулась к окну.

– Нас по стране не один год мотало. Ну какой ребенок

у людей, которые вечно с узлами-чемоданами на новое место жительства переезжают? Бытовые условия часто плохими оказывались: барак, коммуналка, семейное общежитие. Не хотелось малыша в общей ванной мыть. У ребеночка все должно быть лучшее. А что отец-военный ему предоставить мог? Угол в комнатенке, кроватку за ширмой? Потом нам повезло. Семена перевели в Москву, дали хорошую квартиру, муж получил звание полковника, пришло наконец материальное благополучие. Я работу прекрасную нашла, из двушки переехали в четырехкомнатную. Купили дачу, машину, решила я забеременеть.

Лена стиснула кулаки.

– И ничего не получилось. Через год пошли по врачам, выяснили: здоровы оба, а детки не завязываются. Попытались счастья с ЭКО. Шесть раз. Ничего не вышло. Ездили по святым местам, бегали к колдунам, знахарям...

Елена приложила к глазам носовой платок.

– Итог: мне тридцать девять, Сене сорок два, детей у нас нет и не будет.

Елена тихо заплакала.

– Сейчас и в пятьдесят рожают, – попыталась я успокоить соседку.

Лена вытерла лицо ладонью:

– Ну я-то не идиотка, чтобы малыша на свет произвести в возрасте, когда бабушкой становятся. Кто ребенку поможет, если родители лет через пятнадцать умрут?

– Надо смотреть на ситуацию с оптимизмом, – пробормотала я, – навряд ли в пятьдесят пять вы с этим светом попроситесь.

– Все возможно, – мрачно произнесла соседка, – следовало до тридцати рожать, не ждать, пока квартирой-машинной обзаведемся. Сейчас бы мой первый аборт в институт ходил. Я пыталась решить проблему. Ну не получается у нас малыш, ладно. Можно обвести Господа Бога вокруг пальца. Сейчас есть программа усыновления эмбрионов.

Я чуть не выпустила руль из рук.

– Усыновление эмбрионов?

– Да, – кивнула Елена, – они от ЭКО остаются, кое-кто отдает свои эмбрионы бездетным парам.

– Ну и ну, – протянула я, – получается, что твой ребенок будет воспитываться в приемной семье.

– Его другая женщина выносит, младенец ей родным станет, – возразила Лена. – Я очень хотела в этой программе поучаствовать, а Сеня на дыбы встал: «Не желаю чужого сына! Никогда его, как своего, не полюблю». И усыновить малыша из приюта муж не готов. В общем, тему детей мы закрыли. Все. Живем вдвоем, только для себя.

Лена прижала руки к груди.

– Но мне очень хочется собачку. Маленькую, пушистенькую, я уже имя ей придумала: Мусенька. И что? Семен даже слышать о песике не хочет. Я его прошу: «Давай купим Мусеньку», – показываю в Интернете фото щеночков. Но муж

кричит: «Через мой труп».

– Почему Семен не хочет завести собаку? – удивилась я. – Вы причину его нелюбви к псам знаете?

Соседка вздохнула.

– Нет. Сто раз умоляла: «Объясни, по какой причине ты собак не любишь?» Сеня в ответ: «Я люблю животных, никогда их не обижу, но в мой дом им вход запрещен». Но ведь в квартире и я живу! Вот сегодня не сдержалась, примоталась к супругу утром, начали мы с ним в прихожей отношения выяснять, в лифте на ваших глазах продолжили. Неудобно получилось. Сеня распсиховался, один уехал, спасибо, вы меня подвезли. И что теперь делать? Очень уж собачку хочется. Если ребеночка нет, то пусть хоть песик с нами живет. Спасибо, Танечка, я тут выйду.

Я притормозила, Лена вылезла из джипа и, помахав мне рукой, скрылась в подземном переходе. Я влилась в поток машин, позвонила начальнику и пустилась в объяснения:

– Соседку подвозила, она с мужем поругалась, он ее в машину не посадил. Один уехал.

– С соседями нужно поддерживать хорошие отношения, – согласился Иван Никифорович, – надеюсь, ты не забыла, что у тебя сегодня встреча с новой бригадой?

– Нет, – коротко ответила я. – Ты решил создать структуру, которая будет заниматься поиском пропавших людей, и доверить мне ее руководство.

– Отлично, – воскликнул шеф, – вели всем сотрудникам

в десять быть в комнате совещаний. А в одиннадцать придет Галина Сергеевна Моисеенко. У нее девочка пропала.

Я вздохнула, поиск исчезнувших детей самое тяжелое занятие, и мрачно спросила:

– Когда ребенок домой не вернулся?

– В августе, – ответил босс.

Я подумала, что ослышалась.

– Прости, когда?

– В августе, – повторил Иван.

– На дворе июнь, первый месяц лета, – напомнила я, – последний еще не наступил.

– Она пропала в прошлом году, – уточнил шеф.

– И мать только сейчас к нам обратилась? – поразились я. – Через год шанс найти малышку равен нулю.

– Ей почти тридцать лет, – уточнил Иван Никифорович.

– Ты сказал «девочка», поэтому я подумала, что она крошка, – хмыкнула я.

Шеф чем-то заскрипел.

– Просто повторил слова Моисеенко.

– Ясно, – пробормотала я. – Что за странный звук в трубке?

– Ящик в столе застрял, – пропыхтел Иван, – дергаю его, дергаю, а он ни туда ни сюда. Вроде у тебя хорошая команда подобралась.

– Надеюсь, – вздохнула я, – трудно было людей отобрать.

– Поужинаем сегодня? – предложил босс. – Рина пирог с

капустой печь собралась.

– С моим весом лучше навсегда забыть о выпечке, – вздохнула я, – но при мысли о кулебяке, которую печет твоя мама, о диете забываешь сразу.

Глава 2

Когда я вошла в комнату для совещаний, несколько человек, сидевших вокруг круглого стола, встали.

Я смутилась.

– Сядьте, пожалуйста. Давайте сразу договоримся, что мы просто коллеги. Я не генерал, вы не солдаты. Да, я буду раздавать указания, но, если вы со мной не согласны, имеете собственное мнение, то прошу его открыто высказывать и отстаивать. Меня зовут Татьяна Сергеева, отчество я не люблю, обращайтесь ко мне просто по имени. Я вас знаю, читала личные дела, проводила собеседования. Но друг с другом вы не встречались. Я могу рассказать о каждом, но, думаю, будет лучше, если вы сами представитесь. Кто первый?

Возникло молчание, потом худощавая брюнетка подняла руку.

– Можно я? Любовь Павловна, патологоанатом, мне пятьдесят один год.

– Да ну? – удивилась девушка с косичками, уложенными баранками над ушами. – Больше тридцати вам никогда не дать.

– Спасибо, – улыбнулась эксперт, – стараюсь держать спину прямо. Родилась в Москве, училась и живу в столице. Обладаю не очень приятным кое для кого качеством: если речь идет о работе, не стану кривить душой и подтасовывать ули-

ки. Начиная я как ассистентка профессора Гофмана, потом пустилась в одиночное плавание. С Геннадием Львовичем связи не теряю, моему учителю почти девяносто лет, но голова у него светлая, физическое состояние бодрое. В сложных случаях Геннадий Львович всегда готов меня проконсультировать. Я несколько раз меняла службу, с последней меня, как обычно, уволили по собственному желанию. На самом деле я отказалась указать в отчете время смерти жертвы, которое хотел видеть мой начальник, и меня начали тихо выживать. Мы с шефом конкретно не сошлись характерами. Я не агрессивна, не скандальна, не делаю замечаний коллегам по бытовым вопросам, не сплетничаю, мне все равно, кто с кем против кого дружит. Но в работе я строга, хотя готова выслушать любое мнение, если оно аргументировано, просто бла-бла мне неинтересно. У меня смешная фамилия Буль, она досталась мне от мужа-профессора. Евгений Григорьевич кардиолог, доктор наук, владелец небольшого медцентра. В институте меня звали Буля, имя прижилось, я на него откликаюсь. Если честно, оно мне нравится больше, чем Люба. Отчество я, как и Татьяна, не люблю. Собираю атласы, у меня внушительная коллекция. Очень хотела попасть в особую бригаду. Все.

– Теперь я, – запрыгала на стуле девочка с косичками. – Имя у меня Эдита. Бабушка настояла, чтобы внучку так называли в честь героини обожаемой ею книги «Замок во тьме». Бабуля очень романтична, а я мучаюсь. От Эдиты ме-

ня просто передергивает. Родители обращаются ко мне Дита, остальные Эдя. Фамилия мне досталась самая подходящая для такого имени: Булочкина. Мне двадцать два года, я специалист по компьютерным технологиям, у меня два высших образования.

– И когда вы только все это успели? – спросил плотный парень, сидевший напротив меня.

Эдита опустила глаза.

– Сама не знаю. Закончила школу в тринадцать лет, поступила в МГУ, в пятнадцать получила диплом, чувствовала себя недоучкой. Нашелся спонсор, который отправил меня в Америку, в девятнадцать я завершила образование в США, вернулась в Москву. Работала в крупной корпорации, чуть со скуки не сдохла. Очень рада оказаться у вас. Не замужем и не собираюсь. В свободное время занимаюсь в театральной студии, увлекаюсь народными танцами. Ничего не собираю. Люблю чай, умею его правильно заваривать. Все.

– От родителей вам досталась светлая голова, – заметила Буль.

Дита улыбнулась.

– Наверное.

Я, зная, что Эдита воспитывалась в детском доме и никогда не встречалась ни с родным отцом, ни с матерью, спросила:

– Кто следующий?

– Я, – хором сказали крепкий парень и симпатичная блон-

динка, они переглянулись и рассмеялись.

– Девушек пропускают вперед, – сказала Буль.

– Очень мило, – обрадовалась белокурая красавица, – Анна Попова. До отчества я не доросла, но для информации сообщаю: Ивановна. Ничего интересного во мне нет. Окончила юрфак института имени Соколова. Это не московский вуз. В столицу перебралась восемь лет назад, когда вышла замуж за Юрия Хватова, сына высокопоставленного чиновника МВД. Свекор меня пристроил на работу в убойный отдел. Там служили восемь мужчин, они сначала надо мной подсмеивались, потом принялись учить уму-разуму. Если у кого-то есть старший брат, то этот человек поймет: у меня на службе оказалось восемь старшеньких. С мужем я в разводе. Новым женихом не обзавелась. Были попытки устроить личную жизнь. Но! Если мой парень нравился одному старшенькому, то его на дух не переносил другой. Один раз все восемь были довольны, но тогда на дыбы встали бывшие свекор и свекровь, с которыми я вместе живу, они мне заменили родителей. Я из семьи потомственных алкоголиков, папа и мама упились до смерти, когда мне исполнилось семнадцать. Хорошо, не раньше, иначе б я попала в приют. Ничего не собираю. Очень люблю соленые огурцы. Если хотите сделать мне подарок, не покупайте шоколадные конфеты. Несите огурчики. И какао! Все.

Крепкий парень развел руками.

– Мне особенно похвастаться нечем. Валерий Крапивин.

Тридцать восемь лет, из них двадцать работал в органах, прошел по служебной лестнице с первой ступеньки. Учился в школе милиции, потом в академии МВД. Мать – коллега Буль, отец – ныне покойный, занимался экономическими преступлениями. Не женат и не был. Детей нет. Свободное время, если оно есть, провожу в фитнес-клубе. Здоровое питание и все такое. Зануда. Характер скверный.

– Александр Викторович Ватагин, – представился последний член команды, невысокий полный мужчина в круглых очках, – психолог. Профайлер. Пятьдесят лет. Имею профильное образование психиатра. Вы же понимаете, что психиатр и психолог это разные специалисты?

Присутствующие молча кивнули.

Александр Викторович улыбнулся.

– Отлично. В тысяча девятьсот семидесятом году мои родители эмигрировали в США. В городе Нэшвилл до сих пор живет моя мама, отец, увы, скончался. Я учился в американской школе, колледже, последнее место моей службы в Америке, в отделе поведенческого анализа в службе частных расследований. В Россию приехал десять лет назад. Горжусь тем, что был одним из первых, кто настаивал на необходимости для полиции такого специалиста, как профайлер. Грубо говоря, я залезаю в голову преступника, начинаю мыслить, как он, и вычисляю, где его найти. Я не экстрасенс, не фокусник, не предсказатель с хрустальным шаром, а ученый. Владею гипнозом. Был женат четыре раза, что свидетельствует

о моем неубиваемом оптимизме и вере в чудо. Если увидите в моем кабинете пядь, не удивляйтесь. Я вышиваю картины, это помогает сосредоточиться или расслабиться. Не курю.

– Здесь все обходятся без сигарет, – уточнила я. – Среди тех, кто хотел попасть в особую бригаду, было несколько интересных специалистов, но они курили, и поэтому им отказали. У нас табак под запретом. Против электронных сигарет ничего не имею.

– Они вредны, – пробурчала Буль, – могу объяснить почему.

Экран стоящего передо мной ноутбука стал светлым, появилось изображение приемной, потом лицо администратора Сергея.

– Татьяна, приехала Моисеенко, я устроил ее пока у нас на первом этаже, налил кофе. Пусть кто-то из ваших за ней спустится, или мне ее самому наверх поднять?

– Сделайте одолжение, проводите даму в нашу переговорную, – попросила я.

– Будет исполнено через две минуты, – отрапортовал администратор.

Я встала и посмотрела на членов своей новой бригады.

– Начинаем работу. Надеюсь, процесс притирки членов коллектива не займет много времени. Пройдемте в комнату, где обычно принимают посетителей.

Все переместились в соседнее помещение и уселись во-

круг стола. Эдита поставила перед собой два ноутбука и тихо замурлыкала себе под нос какую-то песенку. Остальные хранили молчание. Я решила ввести сотрудников в курс дела.

– Сейчас здесь появится Галина Сергеевна Моисеенко, у которой в августе прошлого года пропала дочь Гортензия двадцати семи лет...

Продолжить мне не удалось. Дверь открылась, в комнату вошла дама в дорогом шелковом платье, вся обвешанная недешевой бижутерией. Мой нос уловил сильный запах алкоголя.

Эдита быстро потыкала пальцем в лежащий перед ней телефон. Моя трубка тихо блямкнула, я скосила глаза и увидела, что на ватсапп пришло сообщение от пользователя «Эдя». «Она не пьяная. Облилась самыми модными духами весенне-летнего сезона. Называются «Виски». От их аромата у всех возникает ощущение, что ты назюзюкалась».

Я посмотрела на Эдиту. Либо она способна читать чужие мысли, либо я не сохранила на лице беспристрастное выражение, а это плохо.

– Садитесь, пожалуйста, – попросила Аня, – устраивайтесь поудобнее.

– О каком комфорте может идти речь, когда я не ем, не сплю, только о Гортензии день и ночь напролет думаю, – всхлипнула Галина Сергеевна. – Не пью, не ем со дня ее пропажи.

Ну, это преувеличение. Невозможно прожить почти год

без воды и пищи.

– Моя девочка, – заплакала Моисеенко. – Солнышко! Ее украли, похитили, увезли в неизвестном направлении. В полиции палец о палец не ударили, несли чушь: «Гортензия взрослый человек, она могла просто уехать». Как это, просто уехать от матери? Куда? Зачем? Боже!

Галина схватилась за сердце.

– Инфаркт стартует. У меня по три сердечных приступа в день!

Буль встала.

– Давайте померяю вам давление.

– А вы умеете? – с подозрением осведомилась Галина. – Вас в полицейской школе обучили пользоваться тонометром?

Любовь Павловна улыбнулась.

– Я врач по образованию. Вам не трудно пока руку приготовить? Схожу за аппаратом.

– Помогите мне, – прошептала Галина, – пальцы трясутся.

Аня начала аккуратно заворачивать рукав платья гостыи, а мне опять позвонил Сергей.

– Татьяна, к вам посетитель.

– Я никого не жду, – удивилась я, – у нас встреча с дамой, которую вы привели.

– Посетительница говорит, что приехала с Моисеенко. Ее зовут Карина Хлебникова, – пояснил парень.

– Простите, Галина Сергеевна, вы пришли не одна? – по-

интересовалась я.

– Меня привез шофер, Сергей, – объяснила клиентка, – он в машине на парковке остался. А что?

– Имя Карина Хлебникова вам известно? – продолжала я. – Она находится внизу, утверждает, что прибыла с вами.

– Боже! Кара! – воскликнула Моисеенко. – Как она узнала, куда я поехала? Глупый вопрос! Ей водитель рассказал. Конечно, знаю. Каруся – моя дочь.

– Понятно, сестра Гортензии, – кивнула я.

– Нет-нет, – возразила Моисеенко, – Горти и Кару в первом классе посадили за одну парту. Они подружились, и с тех пор всю жизнь вместе. У Карины рано родители умерли, она еще в институте училась, когда сиротой осталась, я считаю ее своей доченькой. Карочка наш с Горти добрый ангел, мы бы без нее пропали. Она очень не хотела, чтобы я к вам ехала. А я впервые ее не послушалась, сердце за Гортензию болит. Отправилась к вам тайком. Каруша Сергеем позвонила, тот ей все и доложил. Водитель честный парень, услужливый, его нам Кара нашла, и парень считает своим долгом сообщать ей обо всех моих передвижениях. Только не подумайте ничего плохого, названная дочь за меня переживает, боится за мое здоровье. Кара сейчас расстроится. Ой! Опять сердце заболело. Когда я нервничаю, сразу плохо становится.

– Если не желаете видеть Хлебникову, ее не пропустят, – успокоила я клиентку.

– Ну что вы! – засуетилась Галина Сергеевна.

– А вот и тонометр, – сообщила Буль, – сейчас узнаем, что да как.

Любовь Павловна начала мерить Моисеенко давление и вскоре объявила:

– Чуть высокоовато, но не страшно. Галина Сергеевна, какие лекарства вы пьете?

– Не знаю, душенька, – ответила дама, – Карочка покупает, в коробочку складывает. Мое дело утром и вечером таблетки принять. Открываю одно отделение шкатулки, на крышке день недели написан, например вторник. И глотаю содержимое. Такие пилюльки, одна белая круглая, другая желтая овальная и половинка розовой. Каждое воскресенье Карочка мне новый набор на неделю собирает. Я без Кары как без рук. А вот и она!

В приемную вошла стройная девушка в джинсах и толстовке.

– Каруся, не сердись, – всхлипнула Моисеенко, – я проявила инициативу.

– Мама Галя, я тебя люблю, ты все сделала правильно, – произнесла Хлебникова. – Можно сесть?

– Конечно, – улыбнулась я. – Чай, кофе?

– Спасибо, ничего, – отозвалась незваная посетительница.

– Голова кружится, – сказала Галина, – Кара, у меня давление повышено! Моя Горти. Девочка просто наивная забывка, ее всякий обидит.

Девушка вынула из сумки блистер и выщелкнула из него

одну таблетку.

– Положи под язык.

– Что это? – любопытствовала Буль.

– Гомеопатия, врач прописал, – объяснила Хлебникова. – Галине Сергеевне лучше минут на десять прилечь. Она очень эмоциональна. У вас найдется диван? А я пока отвечу на все ваши вопросы. Я полностью в курсе дела.

– Да, – пробормотала Моисеенко, – Каронька, как хорошо, что ты тут. Я была не права, уезжая без тебя.

– Мама Галя, это я не права, не стоило отговаривать тебя от обращения к детективам, – мягко ответила Хлебникова.

– Помогу вам встать, – предложила Люба Галине, – обопритесь на мою руку.

Кара проводила их глазами, и когда обе женщины исчезли в коридоре, сказала:

– Не хотела, чтобы Галина Сергеевна затевала поиски Горти. Давайте по порядку объясню, что да как. Сначала немного о моей названной матери.

Хлебникова повела плавный рассказ. Я была немало удивлена, услышав, чем зарабатывала Моисеенко, пока ее муж не стал успешным бизнесменом.

Глава 3

Галина Сергеевна была гадалкой, будущее она предсказывала не по линиям руки и не по картам. Выслушав вопрос клиента, Галина вытряхивала из особого мешочка разнокалиберные магические камушки и читала по ним будущее. В советское время Моисеенко работала тайком, тогда не жаловали предсказателей, да и на зону можно было попасть за незаконную предпринимательскую деятельность. Но Галина придумала, как себя обезопасить, каждому клиенту она на прощание говорила:

– Сейчас наложу на вас печать молчания, – потом делала над головой человека пассы руками и продолжала: – Если донесете на меня в милицию, на вас и вашу семью упадет черная аура бед, несчастий и вечного невезения.

Сами понимаете, трезво мыслящий, уверенный в себе, состоявшийся человек не станет консультироваться с дамой, предсказывающей будущее с помощью речной гальки. К Моисеенко приходили совсем другие люди, они, услышав про черную ауру, пугались и заверяли провидицу, что и в мыслях не имеют доносить на нее.

Муж Галины Сергеевны Валентин Петрович работал за скромную зарплату в наркологической клинике, где пытался лечить алкоголиков. Тихая, ласковая, улыбчивая, всегда готовая услужить Галочка подчеркивала, что царь в доме Ва-

лентин Петрович. Но был ли он главным? Допустим, семья собиралась отдыхать. Валентин Петрович объявлял:

– Едем на Азовское море. Там фрукты, солнце, и мать моего однокурсника Бори Велихова давно нас на отдых приглашает.

– Конечно, милый, – немедленно соглашалась жена, – ах, как ты здорово придумал, мы только на билеты потратимся.

– На плацкарт, – сразу предупреждал муж, – купе нам не по карману, у меня скромная зарплата, а воровать, как некоторые, я не приучен.

– Дорогой, ты нас прекрасно обеспечиваешь, – нахваливала его Галина.

Разговор происходил в понедельник вечером, а во вторник Галя, наливая мужу чай, ворковала:

– Милый, мне нужен твой совет. У меня есть клиентка Софья Кузнецова, председатель месткома Союза писателей. Оклад у нее копеечный, поэтому заплатить мне за гадание Соня не может. Я из жалости ей бесплатно будущее предсказываю. Вчера она позвонила и сказала: «Галочка, хочу отблагодарить вас за добрую душу. Деньгами по-прежнему не обзавелась, могу вручить вам три бесплатные путевки в дом отдыха писателей в Пицунде. Четырехразовое питание, море под окнами, двухкомнатный номер со всеми удобствами, ванная, туалет. В одной спальне вы с любимым мужем, в другой ваша очаровательная доченька. Двадцать четыре дня. Билеты на самолет туда-назад прилагаются, в аэропорту вас

встретит машина директора дома отдыха. Погадаете разок ему за услугу, он счастлив будет. Не забудьте свои камушки». Я прямо растерялась. Что ей ответить? Мы же вчера решили в плацкартном вагоне к маме Бори Верихова в колхоз на Азов ехать!

– К черту Борькину мать, – решался Валентин Петрович, – конечно, летим в Пицунду. Такой отдых нечасто предлагают.

И Моисеенко отправлялись на теплое море. Валентин Петрович, лежа на пляже, упивался детективными романами, которые брал в местной библиотеке. Малышка Гортензия резвилась с писательскими детьми на мелководе. Галина Сергеевна же в день прибытия бежала к директору здравницы, благодарила того за радушную встречу, разбрасывала свои камушки... На следующий день к гадалке выстраивалась очередь из жен, сестер, мам и любовниц литераторов. Домой Моисеенко улетали очень довольные, сумочку Галины оттягивала увесистая пачка денег. Валентину Петровичу ни разу в жизни не пришло в голову, что жена его обманывает. Он понятия не имел, сколько на самом деле получает от клиентов супруга. Хитрая Галя сообщала ему заниженную цифру. Так что было с отдыхом? В Пицунду семья полетела за счет Галочки, она приобрела и путевки, и билеты, знала, что отобьет на юге затраты, и категорически не желала провести свой отпуск в сарае у матери однокурсника мужа, помогая той пропахивать ее огород. И подобные ситуации случались часто. Галина никогда не спорила со своим мужем,

но умело играла на дудке, под которую тот плясал. Галина Сергеевна управляла мужем, она очень любила Валентина и старалась уберечь его от психологического дискомфорта. Зачем упрекать супруга, который сам не может заработать? Пусть он считает себя главой семьи. Поехать на Азовское море? Как хочешь, милый. Муж изменил свое решение, надумал поехать в Пицунду? Конечно, дорогой, я согласна.

Представьте изумление Гали, когда ее апатичный, никогда не пытавшийся заработать доктор в самом начале перестройки скооперировался со своим лучшим другом, внезапно развил бурную деятельность и не пойми как сумел в годину полнейшей юридической неразберихи приватизировать один из корпусов наркологической больницы вместе с парком, где он находился. Валентин и его приятель открыли частную клинику, принялись лечить алкоголиков, наркоманов и стали зарабатывать такие большие деньги, что Галина Сергеевна даже испугалась.

Через год, когда чемоданы, набитые долларами, просто некуда стало ставить, Галя забросила гадание, занялась исключительно домашним хозяйством и воспитанием безмерно ею обожаемой доченьки Гортензии. Свои волшебные камушки она с той поры раскидывает только для нескольких старых верных клиентов.

Девочку Галина, потеряв всякую надежду стать матерью, родила в зрелом возрасте. Валентин хотел назвать малышку в честь своей мамы Катей, жена, конечно же, с ним согласи-

лась. Но по дороге в загс, куда счастливые родители отправились, чтобы зарегистрировать дочь, отец подумал, что у нее должно быть необычное имя. В результате в метрике написали Гортензия. Конечно, это просто совпадение, что еще будучи незамужней девушкой, Галочка мечтала о доченьке, которая будет носить это имя.

Горти росла в атмосфере любви. Валентин Петрович, пропадавший с утра до ночи в своем медцентре, чувствовал перед дочерью вину. Ему было неудобно, что он совсем не проводит с ней время, поэтому каждое утро Горти находила около своей кровати подарки от папы: куклу, коробку конфет, плюшевую игрушку... В детский сад девочка не ходила, там же в группе сопливые дети из неблагополучных семей. Стоило Гортензии кашлянуть, как в доме выстраивалась шеренга врачей. Все выходные дни девочка вместе с мамой проводила в музеях, театрах. Ей покупали самые лучшие вещи и игрушки. Безмерно обожая дочь, Галина понимала, что нужно дать ей достойное образование, поэтому в дом постоянно ходили репетиторы. Мать была чрезмерно строга, когда речь шла об уроках. Горти прекрасно училась в школе, поступила в медвуз и сразу заработала любовь педагогов своим усердием. А вот студенты почти не общались с Гортензией, потому что студентка Моисеенко приезжала на первую лекцию в сопровождении матери и отправлялась с ней же домой сразу по окончании занятий. Друзей у Горти, кроме Карины, не было. Кара оказалась единственным человеком, которому раз-

решалось приходиться в дом к Моисеенко. И Гортензии позволялось ходить к подруге в гости. Дружба началась в первом классе, когда девочек посадили за одну парту. Галина Сергеевна тут же навела справки о соседке дочки, выяснила, что у той отец академик, всемирно известный педиатр, мать – один из лучших в стране гинекологов, и благословила их дружбу. Горти и Кара прошли бок о бок и школу, и институт.

К сожалению, Валентин Петрович скончался, когда дочке исполнилось тринадцать. Потеряв мужа, Галина устроила заботу о дочери, контролировала каждый ее шаг. А родители Карины умерли, когда она пошла на второй курс. Конечно, девушка испугалась, растерялась, и тут ей на помощь пришла Моисеенко.

– Зови меня мама Галя, – велела она, – теперь мы одна семья. Твою квартиру надо сдать, ты поживешь у нас, пока не захочешь жить самостоятельно.

Несколько лет Кара провела в апартаментах бывшей гадалки. Та по субботам раскидывала камушки и говорила:

– Все будет хорошо. Вижу, жених к тебе торопится.

Кара действительно вышла замуж за хорошего парня Глеба, юриста. Они поселились в родительской квартире Кары, которая постоянно забегала к Моисеенко. Идти ей до названной матери меньше минуты, надо лишь пересечь палисадник, дома стоят почти впритык друг к другу. Глеб стал управлять медцентром Моисеенко, Галина Сергеевна и Горти жили в свое удовольствие, все было хорошо. Очень хоро-

шо. Невероятно хорошо. А потом младшая Моисеенко исчезла.

– Если Галина так обожала дочь, то почему она долго ждала, прежде чем начать ее поиски? – удивился Валерий. – И как пропала Гортензия?

– Просто ушла из дома, – пояснила Карина. – Галина зашла в ее комнату и нашла на столе конверт. Естественно, она позвонила мне. Я прибежала, начала задавать вопросы и выяснила, что в квартире посторонних не было, у домработницы этот день оказался выходным. Никакого беспорядка вокруг, ни раскиданной мебели, ни разбитых ваз и тому подобного. Тапочки Горти аккуратно стояли в прихожей. Я заметила в ее спальне открытый флакон духов, подруга забыла его закрыть, хотя обычно Горти была невероятно аккуратна, наверное, собираясь сбежать, она нервничала и не завернула пробку. Но обратите внимание, моя подруга попрыскалась парфюмом. Разве станет это делать женщина, которую похищают?

– Возможно, пузырек стоял открытым давно, – возразила я.

– Нет! – отрезала Кара. – Вечером Гортензия беседовала со мной по телефону и поделилась удачей. Она наконец-то купила духи, которыми пользуется не первый год, весело чиркала: «Каруша, повезло мне невероятно. Зашли с мамой в торговый центр, и я увидела «Цветок ночи». Думала, уж не найду его. Открою запечатанную коробочку завтра». Бе-

седа состоялась около полуночи. Нет, Горти подушилась перед уходом.

– И оставила вожделенный флакон дома, – подчеркнул Александр Викторович. – А что она взяла с собой?

– Ничего, – ответила Карина, – кроме паспорта. И это еще одна причина, по которой Галина уверена, что дочь увели силой. Горти, даже собираясь просто прошвырнуться с матерью по магазинам, брала с собой большую сумку, клала туда гору вещей: таблетки от головной боли, зонтик, расческу, косметику, паспорт, телефон, айпад, конфеты, носовые платки, блокнот для записей, лак для волос... Я иногда шутила: «Ты забыла фен и брашинг, вдруг ветер прическу испортит». Но в тот день она прихватила только крохотную розовую сумочку на длинном ремне, которую я Горти подарила. Все, ей необходимое, осталось дома.

– Давайте послушаем текст письма, – предложила я. – Валерий, читайте вслух.

– Секундочку, подождите меня, – воскликнула Буль, входя в комнату. – Галина приняла лекарство, ей надо минут десять полежать. Она у меня в кабинете.

Глава 4

Крапивин взял листок.

– Дорогая мама! Понимаю, мой поступок причинит тебе боль, но я хочу начать собственную жизнь, потому что до сих пор у меня этой жизни не было. Мама! Я никогда не мечтала стать врачом. И ты знала о моем желании обучаться пению, но не пустила меня в музыкальную школу. Мне уже скоро тридцать лет. Я планирую начать карьеру певицы и не хочу выходить замуж, чтобы стать домашней хозяйкой. Это твой сценарий моей жизни. Я была всегда рядом с тобой, но в конце концов даже железная болванка может развалиться на части. Все, мама. Дальше иди одна. Я не способна более на подвиги дочерней любви, я их и так долго совершала. И мне совершенно не нравится Игорь Глебович. Конец. Я уезжаю далеко-далеко, где осуществится моя мечта о сцене. Я буду петь в лучших театрах мира. Не ищи меня. Со мной все в порядке. Я вернусь, когда стану свободной и независимой. Что бы ты когда-либо ни делала, я любила тебя и, несмотря ни на что, люблю до сих пор! Горти.

– М-да, – крякнул Иван Никифорович, – иногда горячее материнское чувство ребенок не может вынести.

– Письмо напечатано на принтере? – уточнила Аня.

Крапивин показал всем листок.

– От руки написано.

Александр Викторович взял у Валерия послание.

– Текст без единой пометки. Скорей всего, переписан с черновика. Карина, у вас есть образец почерка Гортензии?

– Не сомневайтесь, это она писала, – уточнила подруга, – хотя вы можете проверить. У Галины Сергеевны хранится много школьных тетрадей Горти. Но я узнаю руку подруги, так тщательно, как она, давно уже никто буквы не выводит.

– Просто каллиграфия, – отметил Иван Никифорович. – Гортензия пользовалась чернилами и пером. Нажим, волосная линия... Красивая кропотливая работа.

Я покосилась на босса. Иван увлекается каллиграфией, у него большая коллекция перьевых авторучек. На прошлый день рождения я преподнесла ему роскошное стилу, но оно взорвалось¹.

– Хочется узнать подробности ухода Горти, – продолжал Иван.

Карина выпила залпом остывший чай.

– В день исчезновения Горти якобы пошла вечером ко мне в гости. А я ничего не знала, задержалась в тот день на работе. Галина Сергеевна мне позвонила со словами: «Кара, почему к домашнему телефону не подходишь? Чем вы там занимаетесь? Уже полдевятого, пусть Гортензия возвращается, я встречу ее у твоего подъезда. Вели ей мобильный включить. Почему она его вырубил?» Я стоматолог, объяснила

¹ Ситуация описана в книге Дарьи Донцовой «Любовное зелье колдуна-болтуна».

ей, что нахожусь на приеме, у меня в кресле больной с пульпитом. Горти сегодня не видела. Галина запаниковала и отсоединилась. Через минут десять опять позвонила.

Карина махнула рукой.

– Я помчалась к ней сразу, как только отпустила пациента. Нашла Галину Сергеевну в полной панике, плачет, кричит, я ничего не понимаю, речь у нее невнятная. С большим трудом ее успокоила и узнала, как события развивались. Галина Сергеевна, обнаружив, что Горти куда-то ушла, бросилась в комнату дочери и нашла там это послание. Утром мы ни свет ни заря были в полиции, Галина Сергеевна прорвалась к начальнику, показала этот листок...

Карина посмотрела на Ивана Никифоровича.

– Понимаю, – кивнул тот, – сам бы сказал: «Гортензии почти тридцать натикало, она имеет право на личную жизнь».

– Вот, вот, – согласилась Кара, – полицейский раз пять повторил: «Состава преступления не вижу. Это не похищение, а добровольный уход». А потом попросту вытурил нас из кабинета. Я знала, что он такотреагирует. Гортензия в своем письме четко указала: ухожу, хочу жить самостоятельно. Я пыталась отговорить маму Галю от похода в полицию, но она словно обезумела, поэтому я решила: пусть походит по кабинетам, услышит, что другие люди говорят, и слегка успокоится. Галина Сергеевна плакала всю дорогу, дома я уложила ее в постель. Но через час пришлось вызвать «Скорую», ее увезли в больницу с гипертоническим кризом. В клинике

маму Галю продержали две недели, а когда она поправилась, пришла открытка.

Карина достала из сумки конверт и протянула его мне. Я разглядывала самую обычную почтовую открытку, с одной ее стороны было фото: горы, море, синее небо с облаками. Понять, где сделан снимок, не представлялось возможным, похожие пейзажи есть во многих странах: Греции, Франции, Испании, Таиланде, Индии... Полно мест на земле, где есть море-океан, каменная гряда и небо. Послание было предельно лаконичным: «Все хорошо. Горти».

– Интересно, – пробормотала Аня.

– Открыток было восемь, – продолжила Карина, – по одной в месяц, включая апрель. Приходят они второго числа. Текст почти всегда одинаковый: «Все хорошо. Горти». Лишь два раза беглянка отступила от правил.

Кара положила перед Аней тоненькую стопочку почтовых отправлений. Попова начала их перебирать.

– «С днем рождения, мама. Горти», «С Новым годом, мама. Горти». Нельзя назвать автора посланий графоманкой.

Я взяла у Анны открытки, стала их рассматривать и одновременно задала вопрос:

– По какой причине вы к нам пришли? Судя по письму, ваша лучшая подруга взбунтовалась. Галина Сергеевна сильно давила на дочь, и у той в конце концов сорвало резьбу. Младшая Моисеенко не желает общаться со старшей. Неприятная история, но Гортензия имеет право сама

решать свою судьбу. Почтовые открытки свидетельствуют о ее неплохом отношении к матери, вероятно, когда-нибудь, устроив свою личную жизнь, Горти восстановит связь с ней. Но сейчас она этого явно не хочет. Я подчиняюсь вышестоящему руководству, мне приказано искать Гортензию. Возможно, мы выясним, где она живет. Но, Карина, станет ли ваша подруга счастливее, когда ее убежище обнаружится?

Эдита потянулась к одной открытке, взяла ее, потом уставилась в компьютер.

– Я пыталась втолковать Галине Сергеевне, что дочь нужно оставить в покое, ведь она жива, – пробормотала Кара, – надо подождать, пока Горти сама вернется. Галина Сергеевна меня слушать не хотела. Она начала поиски. В полиции, как вы знаете, ее слушать не стали. А вот частные детективы охотно брались за работу, но, к сожалению, они все оказались шарлатанами. Мать моей подруги, слава богу, после обращения к третьему сыщику поняла, что от доморощенных Шерлоков Холмсов толка нет, и перестала к ним бегать. И что у нас получилось? Август-сентябрь мама Галя болела, в сентябре она стала искать частного. В октябре наняла одного, тот изображал деятельность до декабря, деньги брал, но ничего не делал. В январе Галина Сергеевна наняла другого сыщика, который в начале февраля заявил, что ему надо платить больше. Я уговорила Моисеенко от него отказаться, она нашла третьего. Тот «работал» до марта, взял деньги и смылся, не дав никакой информации. В апреле Галина Сер-

геевна, получив очередную открытку, пробормотала:

– Горти жива, это главное. Наверное, Кара, ты права. Я слишком давила на дочь, всегда считала ее наивной незабудкой, которую всякий обидит. Гортензия проживет одна, соскучится и приедет. Если я найду ее, это окончательно разрушит наши отношения. Все. Забудем про детективов, они все жулики.

Я не поверила своим ушам. Мама Галя наконец-то произнесла разумные слова. В апреле она не затевала поиски, вроде успокоилась. А в мае не пришла очередная открытка, и Галина Сергеевна снова впала в панику. Я попробовала убедить ее, что послание элементарно могли потерять на почте, но она не желала слушать разумные доводы, твердила: «Горти похищена». Я ей говорила: «Нет, у нее все отлично». Но Галина Сергеевна не успокаивалась. У нее есть несколько клиенток, остались еще с советских времен. Деньги Моисеенко теперь за раскидывание камней с них не берет, бабульки к ней приезжают, сначала гадают, потом чай пьют, болтают. Раз в три-четыре месяца встречаются. У одной дамы сын депутат, думаю, мама Галя его попросила найти настоящих сыщиков, не мошенников. Мне она ничего не сказала. В первый раз от меня что-то утаила. Ну да, она знала, как я к ее инициативе отношусь. С другой стороны, что я поделывать могу? У мамы Гали денег лом, она имеет право тратить их куда пожелает, хоть сжечь. Мне не средств, пущенных на ветер, жаль, а ее здоровье. Вот она к вам одна прикатила, и

что? Сейчас встать с дивана не может. Хорошо, меня водитель в курс дела ввел, и я сюда помчалась. С полной сумкой лекарств!

– У меня медикаментов целые шкафы, – заявила Буля. – Извините, дам вам совет. Покажите Галину Сергеевну хорошему доктору, мне кажется, у нее проблема с легкими. Я патологоанатом, но начинала как терапевт, правда, работала недолго.

– Вы прекрасный диагност, – заметила Карина, – да, она больна, но мы упорно лечимся и надеемся на лучшее.

– Горти знала, что мать нездорова, и все равно сбежала? – уточнила я.

– Нет, Галине Сергеевне стало плохо после ее ухода, думаю, стресс спровоцировал бурное развитие недуга, – пробормотала Кара. – Пожалуйста, скажите Моисеенко, что вы отказываетесь ей помочь. Что Горти не хочет возвращаться домой.

– Не могу этого сделать, – возразила я, – у меня приказ начальства заняться поисками.

– Думала, что вы тут самый крупный босс, – вздохнула Карина. – А как найти главного?

Я покосилась на Ивана, который сидел безучастно, словно разговор его совсем не касался.

– Передам ваше пожелание нашему шефу. Карина, в письме Гортении есть фраза: «Мне совсем не нравится Игорь Глебович». Кто он?

– Жених, которого для Горти нашла Галина Сергеевна, – пояснила Хлебникова. – За несколько месяцев до побега дочери мать объявила, что ее любимой девочке пора выйти замуж. Зятя она, конечно, решила выбрать сама. Небось долго женихов изучала и остановилась на Игоре Глебовиче Клебанове. Я не понимала, чем он так понравился Галине. Обычный врач, звезд с неба не хватает. Мне она объяснила: «Я не становлюсь моложе, здоровье слабеет. Что будет с Горти, когда я умру? Она несамостоятельная. Ее надо отдать в хорошие руки. Игорь отличный вариант. Он сын моей старой знакомой, порядочный человек. Я в своей записной книжке порылась, когда о женихе задумалась, и поняла: вот он! Клебанов доктор, он от меня в наследство получит долю в клинике, станет хозяином. Гортензии Игорек понравится, а он ее полюбит, разве Горти можно не полюбить? Я уверена, что у них сложатся прекрасные отношения». Да только моя подруга, узнав, что затеяла мать, и познакомившись с потенциальным супругом, впала в панику.

– Кара! Он противный, с липкими руками. Не хочу даже сидеть рядом с ним. Пожалуйста, побеседуй с мамой, ты единственный человек, кого она слушает. Может, сумеешь ей втолковать, что я не желаю идти замуж за Клебанова. Он мне отвратителен.

Я отправилась к Галине Сергеевне, но та не изменила своих намерений.

– Семья не имеет никакого отношения к любви, это рабо-

та по построению крепкого союза, в котором хорошо всем: и мужу, и жене, и детям, и старикам. Нынешнее поколение глупостей в Интернете начиталось и давай кричать: секс главное, в личной жизни надо лишь удовольствие получать, если партнер вас не удовлетворяет, меняйте его на другого. Нет, дорогая, семья это труд, терпение, умение прощать. Нужно тщательно подходить к выбору спутника жизни, не хватать, как голодная собака, первый кусок со стола. То, что с краю лежит, определенно не лучшее. Игорь Глебович идеальный жених, уж поверь, я изучила его со всех сторон. Я не вечна. Настанет момент, и я уйду. Кто тогда о Горти позаботится? Она не приспособлена к жизни.

– И это правда, – раздалось от двери.

Я повернула голову, на пороге стояла Галина Сергеевна.

Глава 5

У меня звякнул мобильный, прилетело сообщение от Эди: «Попросите у нее последнее фото дочери».

– Гортензия отказалась от помолвки с Игорем, – продолжала Моисеенко. – Клебанов расстроился, он сразу влюбился в мою дочь. Игорь прекрасно воспитан, интеллигентен, образован, ни разу не был в браке, потому что он...

– ...жуткая зануда, – пробурчала себе под нос Карина. – Когда мы у вас вместе чай пили, он разглагольствовал о правильном образе жизни, о том, что надо всем бросить пить, курить, есть мясо, изрекал азбучные истины: «Употребление табака приводит к раку легких. Алкоголь губит здоровье». Вещал это с таким видом, словно делал великие открытия, ораторствовал без умолку. Когда Горти потянулась за пирожным, схватил ее за руку: «Я бы этого не советовал. Очень жирный крем. Такая начинка пагубно влияет на печень». Похоже, у него замашки тирана, едва увидел женщину и тут же попытался управлять ею.

Галина Сергеевна укоризненно взглянула на названую дочь.

– Проявление элементарной заботы ты считаешь деспотизмом? Желание уберечь женщину от глупого поступка авторитарностью? Лично я называю такое поведение заботой. И Клебанов прав, пирожное с кремом не лучшая еда.

– Но ведь не в первые же дни знакомства давать советы невесте? – надулась Карина. – Игорь противный, когда я его увидела, никак не могла отделаться от ощущения, что у красавчика трусы и носки грязные! Хотя он был аккуратно одет и пах одеколоном.

Галина Сергеевна постучала пальцем по столу.

– Понятно теперь, чьи словечки Горти мне повторяла, когда отказалась от удачного замужества. Неужели тебе хотелось, чтобы подруга осталась одна?

По щекам Карины поползли красные пятна. Я решила вмешаться в разговор.

– Сердцу не прикажешь. Ваше желание устроить судьбу дочери могло стать побудительным мотивом к побегу. У вас, случайно, нет с собой фотографии Гортензии?

– Сердце должно слушать голос разума, а не бормотание глупости, – отрезала Галина. – Лучшие браки заключаются по расчету. Главное, чтобы расчет был правильным. Матери виднее, что нужно неразумной дочери. Да, естественно, у меня много снимков Горти с собой в телефоне.

– Вам не трудно дать мне трубку? – попросила Эдита. – Перекачаю изображение.

– Зачем? – бдительно поинтересовалась Моисеенко.

– Чтобы искать Горти, надо знать, как она выглядит, – улыbnулась Аня. – Хотя... можно посмотреть в соцсетях.

– Ее там нет, я уже проверила, – объявила Дита.

Галина протянула ей трубку.

– Моя дочь не пользовалась Интернетом.

– Почему? – искренне удивился Валерий.

– Я ей компьютер не купила, – сердито объяснила нервная мамаша, – не желала, чтобы моя чистая девочка видела грязь, все эти ужасные снимки и читала глупости.

Галина Сергеевна показала на ноутбук Эдиты.

– Я тоже не умею пользоваться адской машиной, но слышана от своих клиенток, какой там ужас. Секс! Насилие!

– Ну, секс это не всегда ужас, – тихо сказал Валерий, – иногда даже вполне приятен.

Я толкнула парня под столом ногой, он мигом захлопнул рот. Мой телефон пискнул, прилетело сообщение от Эди.

– Ух ты! – помимо воли сказала я.

– Что? – мигом отреагировала Моисеенко. – Какая-то новость о Горти?

Я посмотрела на нее.

– Нет. Прежде чем мы начнем работу, вам понадобится заполнить разные бумаги. Договор, например. Потребуется описание одежды вашей дочери, в которой вы видели ее в последний раз, ее привычек, например, что она любит есть на обед? Можете поработать с нашим сотрудником?

– Да, – кивнула Галина. – Я не верю, что Горти сбежала! Ее украли, предварительно силой заставив написать прощальное письмо, а потом каждый месяц отправляли мне открытки.

Я подавила вздох. Конверт, по словам Карины, лежал на

столе в комнате дочери. Горти якобы ушла в гости к Карине, пока Галина принимала душ, посторонних в квартире не было. Гортензию никто не уводил силой. Уж наверное бы девушка закричала и мать поняла: происходит что-то плохое. Только не говорите, что бедолагу усыпили уколом и утащили под плеск воды из душа. Как бы Гортензия тогда составила записку? Нет, она заранее написала послание, потом наврала про встречу с Кариной и сбежала.

Эдита встала.

– Галина Сергеевна, пойдемте в мой кабинет.

– Кара, вставай, – велела пожилая дама.

– Госпоже Хлебниковой лучше остаться, – распорядилась я.

Моисеенко спросила:

– Почему?

Я понизила голос:

– Часть вопросов, которые вам задаст Эдита, очень личные, настолько интимные, что вы не пожелаете давать на них ответ даже в присутствии той, кого считаете почти дочкой.

– Идите, Галина Сергеевна, одна, – отреагировала Карина.

Когда Моисеенко и Эдита скрылись в коридоре, Кара перегнулась через стол и схватила меня за руку.

– Вы уже что-то узнали? Кто-то сбросил удивившее вас сообщение, и потому вы под благовидным предлогом удалили из комнаты Галину?

– Простите, Карина, вам это будет неприятно. Но мы

должны показать вам снимок тела, при котором найдена кредитка на имя Гортензии Валентиновны Моисеенко, – сказала я.

– Боже, – прошептала Кара, бледнея. – Ну нет же! Пожалуйста! Не хочу смотреть.

– Надо, чтобы кто-то опознал труп, – подключился к беседе Ватагин, – если вы откажетесь, придется это сделать Галине Сергеевне.

– О нет! – еще сильнее испугалась Карина. – Она не вынесет известия о смерти дочери. Но зачем вам опознание? Документ же есть! В нем фото.

– Нет, – возразила Эдя, – это пластиковая карточка, они без снимков. Необходимо удостовериться, что найденное тело на самом деле Гортензия.

– Понимаю, это очень тяжелая процедура, – вновь заговорил психолог, – но, подумайте, каково придется бедной матери, если она увидит труп Горти.

– Хорошо, – прошептала Кара, – давайте.

– Валера, поверните ноутбук Эдиты экраном к Карине, – попросила я.

Крапивин выполнил мою просьбу. Некоторое время Кара рассматривала изображение, затем закрыла глаза ладонью.

– Это не Гортензия.

– Вы уверены? – уточнила я. – После смерти внешность человека иногда меняется.

– Она всегда меняется, – неожиданно заметила Буль, –

душа улетает к Богу, на земле остается смертная оболочка. Естественно, лицо другим становится, пустым.

Меня не удивили слова эксперта, многие врачи и патологоанатомы верят в Бога. Глеб Валерьянович, сотрудник моей прежней бригады, каждое воскресенье в девять утра стоит на литургии. А однажды я случайно увидела программу с участием Натальи Петровны Бехтеревой, академика, научного руководителя Института мозга человека, крупнейшего нейрофизиолога, чьи труды изучают во всем мире. Молодой журналист, задававший ученой вопросы, в какой-то момент бросил фразу:

– Но вы-то точно знаете, что никого там на небе нет.

Героиня программы вежливо ответила:

– Ну что вы, я-то точно знаю, Бог есть, наш Господь милостив и человеколюбив, только поэтому мы до сих пор еще и населяем Землю.

Карина резко выдохнула.

– Я врач, видела трупы, не боюсь их. Боялась опознать тело лучшей подруги, но взяла себя в руки. Да, я уверена, что на снимке другая женщина. Трудно судить по компьютеру, но, думаю, она примерно того же возраста, что и Гортензия, прически похожи. Но это не Горти. Слава богу, не она! Можно мне в туалет?

– Конечно, я вас провожу, – предложила Анна.

– Нет, спасибо, – отказалась Карина, – мне надо минут пять побыть одной.

– Как выйдете из комнаты, поверните налево, последняя дверь по коридору, – объяснила Попова.

Карина ушла.

– И кто в холодильнике? – спросил Валерий.

– Теперь неизвестная женщина, – вздохнула я, – находится в морге при больнице имени Братова. Скончалась от передозировки препарата «Пситомарин»².

– Надо же, токсикологию сделали, – восхитилась Буль.

– Когда она погибла? – поинтересовался Иван.

– Тело нашли в понедельник сотрудники магазина «Ласка», – пояснила Эдита, – они пришли на работу и увидели на крыльце мертвую молодую женщину.

– Неприятно, – поморщился Крапивин.

– Да уж, – согласилась Попова.

– Одежда была? – поинтересовался босс.

Эдита кивнула.

– Белый сарафан из тонкой ткани, на ногах балетки, на шее платочек. Еще розовая сумка, маленькая, она валялась неподалеку. Сарафан у нее прямо атас! Короче некуда, декольте до пупка. Юбка на ленты нарезана! Наверное, при движении девушка казалась голой. Она экстремалка, не надела ни лифчик, ни трусики. Да гляньте сами на фото.

– Ага, – протянул босс, – ну-ну... белый платочек прямо умиляет. Зачем она его повязала? И вообще...

² Лекарства с таким названием не существует. Есть препарат аналогичного действия, автор его не называет из этических соображений.

Я насторожилась.

– Что вам не нравится в ее вещах?

– А у тебя вопросы не возникают? – прищурился шеф.

Я начала внимательно изучать снимок.

– Да нет. Прикид, конечно, мягко говоря, откровенный, но сейчас модно обнажаться, носить тонкие блузки без бюстгальтера. Многие женщины щеголяют в микрошортах, из них вся попа наружу вываливается.

– Вот смотрю я на вас с Анной, одеты почти одинаково, – неожиданно сказал Иван Никифорович, – джинсы, пуловеры, кроссовки. Теперь так модно? Красивые шелковые платья женщины нынче не носят? Ну, такие, чтобы юбка от ветра развевалась? И туфельки с открытыми пальцами тоже?

– Так на улице холодно, – поежилась Анна, – не июнь, а январь прямо.

– Да ладно, – засмеялся Валерий, – семнадцать градусов тепла, это не ноль.

– Не ахти погодка, – согласилась я, – две недели дождь лил. В босоножках-балетках не побегаешь, сразу промокнешь, кроссовки самое...

Продолжение фразы застряло в горле.

– Сообразила, – обрадовался босс.

– Что? – не понял Валерий.

Александр Викторович показал на ноутбук Эдиты.

– Тело нашли в понедельник рано утром. Дождь в тот день лил.

– Я поехала в понедельник по делам и пожалела, что только легкую куртку прихватила, надо было кожаную взять, – поддакнула Аня.

– Я ботинки осенние надел, – прибавил Иван.

– А незнакомка в легком сарафане и балетках, – прибавила я. – Правда странно?

– Запроси отчет о вскрытии, – неожиданно перешел со мной на ты профайлер, – что-то тут не так.

Глава 6

– Как хорошо, дорогая, что ты нашла время зайти, – обрадовалась Ирина Леонидовна, увидев меня на пороге, – пирог десять минут как из печки. А Ваня еще не приехал, в пробке застрял. Почему ты такая бледненькая? Скажу Ване, чтобы перестал нагружать тебя работой, на тебе лица нет!

– Дело какое-то мутное, – вздохнула я, развязывая кроссовки.

– Ты мне расскажешь? – заговорщически шепнула Рина.

– Конечно, – пообещала я, сунула ноги в свои тапочки и поспешила в ванную.

Да, да, в доме шефа у меня есть своя домашняя обувь. Ирина Леонидовна, мать Ивана, купила мне в дорогом магазине шлепки, и у меня не хватило духу признаться, что я предпочитаю бегать по квартире босиком. Ирина Леонидовна замечательная женщина, она так вкусно готовит, что я могу проглотить ее стряпню вместе с вилкой. Она всегда расспрашивает нас с Иваном Никифоровичем о делах и часто дает толковые советы. Мать шефа умеет посмотреть на проблемы под неожиданным углом, а я, услышав ее замечания, изумляюсь. Это же так просто, лежало на поверхности, почему я сама не заметила? Мы с Риной подружились, и я с огромной радостью приезжаю в гости к шефу. Сразу хочу охладить пыл тех, кто решил, что у нас с Иваном роман.

Нет! Мы просто друзья. На работе ни я, ни босс не афишируем приятельские отношения, это не нужно. Никто не в курсе, что мы любим проводить вместе редкое свободное время. И есть еще одна тайна, которой мы владеем теперь сообща. По офисам циркулирует слух, что особые бригады создал один весьма обеспеченный человек, он же содержит структуру на собственные средства. Между собой народ называет главного начальника Царь, Император, Их Высочество, а некоторые именуют его Наше Привидение. Почему? Таинственную личность, руководящую системой, никто не видел, даже имя-фамилия главного шефа неизвестны. Два наших начальника Иван Никифорович и Петр Степанович тоже с ним никогда не сталкивались лицом к лицу. Все указания раздаются Царем по телефону. И, конечно, люди фантазируют вовсю. Кое-кто считает, что организация создана некой группой людей, другие, что мы на самом деле подчиняемся МВД, третьи полагают, что мы служим в тайном подразделении ФСБ. Разъяснений никто не дает. Нам платят солидные деньги, у нас самая современная техника и высококвалифицированные специалисты. А вот я, очутившись первый раз дома у Ивана Никифоровича, запутавшись в коридорах просторной квартиры, случайно оказалась в большом кабинете, набитом компьютерами, и поняла: вот он, пульт управления планетой особых бригад. Таинственным Царем, Императором, Самодержцем, руководящим генералами МВД, начальством ФСБ, в общем, всеми, кто, по мнению сотрудников,

управляет нами, оказался Иван Никифорович³. Сначала я перепугалась до потери пульса, подумала, что меня сейчас с позором выгонят из системы. Хотя все знают: если попал в особую бригаду, обратной дороги нет. Даже на пенсию никогда не отпустят, лет в девяносто превратишься в «спящего» агента, будешь мирно дремать у телика, но если понадобится, над твоим старческим ухом заиграет боевая труба, и ты помчишься на ее зов, поскрипывая артритными коленями. Но ради меня могут сделать исключение, не каждому удастся раскрыть тщательно охраняемую тайну главного начальника.

Вопреки всем моим опасениям Иван не разозлился, мы, наоборот, подружились.

– Таня! – закричала Рина. – Ты утонула в рукомойнике?

– Нет, – ответила я, входя в столовую, – для начала: я не влезу в него, моя тушка никогда не протиснется в сливное отверстие. Я толстая! Надо мне есть поменьше.

– Глупости, – фыркнула Рина, – женщина должна иметь красивые формы, иначе она будет похожа на швабру. Нелзя постоянно сидеть на диете, это напрочь убивает нервную систему. Я вот ем что захочу.

Из моей груди вырвался вздох. Ирина Леонидовна весит сорок пять кило, она всегда кладет на свою тарелку пару ложек еды, не больше. Я же способна слопать грузовик вкус-

³ О том, как Таня очутилась в гостях у начальника, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Бермудский треугольник черной вдовы».

нятины.

– Ну где же Ваня, – засуетилась Рина, – очень неудачно он в пробку угодил. Вот ты молодец, без опоздания явилась.

Я решила защитить Ивана Никифоровича.

– Мне просто повезло.

Ирина Леонидовна пошла в кухню.

– Сейчас посыплю запеканку варниковой и... О! Нет!

Я поспешила к ней.

– Что случилось?

Рина хлопнула себя ладонью по лбу.

– Коза беспамятная!

– Вовсе нет, – улыбнулась я.

– Пошла утром в магазин, уставилась как баран на новые ворота на стеллаж со специями и порулила домой, не купив варнику, – посетовала на себя Ирина. – А без нее запеканка теряет весь вкус. Если не натрусить на блюдо варниковой, никакой радости от нее желудку не будет.

– Беде легко помочь. Сейчас сношусь в супермаркет, благо он в соседнем доме, – пообещала я.

– Спасибо, – обрадовалась Рина, – но, пожалуйста, найди варнику из Индии. Из Греции, Испании, Африки не бери. И обязательно посмотри, чтобы она была нарублена мелкими кусочками, упаси бог купить молотую...

Ирина Леонидовна умолкла, потом пошла в прихожую.

– Сама схожу. Варника бывает разная, ты запутаешься. Какую сама используешь при готовке? Розовую или желтую?

– Никакую, – призналась я, – впервые от вас про сию специю слышала. На что она похожа?

– На варнику, – пробормотала Рина, натягивая куртку, – принесу – увидишь.

– Там дождь льет, – попыталась я остановить мать шефа, – объясните мне подробно про эту варанаку, тогда куплю, что надо.

– Варнику, – поправила Рина, – ерунда, я не сахарная, от воды не растаю. Лучше натри сыр. Я достала кусок из холодильника, а натереть не успела и, признаюсь, терпеть не могу это занятие, вечно пальцы режу. Жаль, настоящего пармезана днем с огнем не сыскать. Я нашла сыр из Уругвая. Честно говоря, на пармезан он не похож, хотя вкусный. Запах, правда, не совсем привычный, но все остальные сыры в запеканку не годятся. Вера Гавриловна, моя подруга, купила в Интернете сыронатиралку, электрическую. Гениальное приспособление! Опускаешь внутрь кусок – и вжик! Получаешь гору тертого. Мечтаю о такой. Попросила Ваню ее заказать, а он, конечно, забыл. Все, удрапала! Натри сыр, посыпь им сверху запеканку и поставь опять в духовку. Поняла?

– Конечно, – заверила я.

– Умница, – не забыла похвалить меня Ирина Леонидовна. – Сыр лежит на століке, справа от мойки. Терки в шкафу, тебе нужна та, на которой поркат измельчают. Улетела!

Рина выскочила на лестницу и захлопнула дверь. Я вернулась на кухню. Те, кто не первый раз встречается со мной,

знают, что кулинария не является хобби госпожи Сергеевой. Считается, что женщина обязана уметь готовить. Возможно, если она хозяйка большой семьи, это правильно, но я живу одна, домой возвращаюсь поздно, питаюсь, как правило, или в нашей столовой, или где-то в городе. Зачем мне учиться варить чихиртму и лепить пожарские котлеты? Впрочем, кое-какой навык общения с плитой у меня есть. Я дважды выходила замуж и в первом браке пыталась стать хорошей хозяйкой. Я могу сварить курицу, геркулесовую или гречневую кашу, картошку. Мне по силам пожарить яичницу, а еще я замечательно кипячу воду для чая и ловко открываю йогурты.

Я подошла к мойке, взглянула налево и сразу увидела не очень большой, граммов двести весом, брусок желтого сыра с темно-бордовой коркой. Почему-то он лежал не на тарелочке, а прямо на рифленой части мойки, куда обычно ставят вымытые бокалы. Я взяла сыр и понюхала его. Галина Сергеевна права, аромат не совсем обычный, затрудняюсь объяснить какой, вроде такой издает виноград. Я вернула сыр на место. К сожалению, производители сейчас везде добавляют ароматизаторы и наполнители, обычные продукты становятся редкостью. Захотелось мне недавно съесть самый простой творожный сырок. В супермаркете оказалось несколько полок с ними. Я увидела сырки с вареньем, сгущенкой, орехами, мюсли, шоколадной начинкой, воздушным рисом, изюмом, лесными ягодами, кусочками экзотических фруктов... Было все, кроме простого сырка без изысков, который по-

любился мне со времен детства. Сыр из Уругвая, отчетливо пахнувший виноградом, меня не поразил, уверена, он бывает с разными отдушками.

Я начала раскрывать шкафчики, в одном обнаружила ряд терок, расставленных аккуратной Риной по размеру. На какой из них надо тереть поркат? И что это такое? Корнеплод вроде морковки? Боясь ошибиться, я полезла в Интернет и нашла ответ. На экране телефона появился текст: «Поркат – корень несуществующего волшебного растения, неоднократно упоминаемый в книгах фантаста Волинского-Горова. С помощью натертого порката герои его книг взрывают каменные стены. У каждого воина из серии «Битва планет» всегда при себе есть немного порката и терка, чтобы измельчить корень, как морковь». Я положила телефон в карман и захихикала. Значит, Ирина Леонидовна увлекается чтением научно-фантастических романов, а я об этом понятия не имела. В следующий раз принесу ей в подарок несколько книг любимого автора. Я взяла с полки нужную терку и начала старательно возить по ней желтым бруском. Дело шло невесело. Рина упомянула, что уругвайский пармезан мягковат, но мне он показался почти каменным. Хорошо, что Рина не раздобыла аутентичный сыр, с ним справиться небось еще труднее. Чертыхаясь сквозь зубы, я несколько раз прошлась по терке, и в конце концов выполнила задание. И тут же зазвонил мой мобильный.

– Танюша, – зашептала Ирина Леонидовна, – стою на кас-

се. Все купила. Как дела? Про сыр не забыла?

– Натерла, – отчиталась я.

– Забыла предупредить, что терку надо...

– Взять морковную, – радостно перебила я.

– Ты знаешь, как измельчать поркат, – восхитилась Ирина Леонидовна.

Мне очень хотелось произвести на нее наилучшее впечатление, поэтому я ответила:

– Конечно.

– Можешь три яйца вкрутую сварить? – попросила Ирина. – Только в СВЧ-печке. Возьми касруль.

Я изо всех сил постаралась не рассмеяться. У Ирины Леонидовны грамотная речь, но даже у интеллигентного человека есть в запасе странные слова. Моя бабка часто говорила: «Таня, не хомякай весь суп, он на семью сварен». Восхитительный глагол «хомякать», означающий: есть жадно, второпях и много, был, похоже, изобретен самой старухой. И он навсегда остался со мной. Вредной бабки давно нет на этом свете. А я, прибежав домой за полночь с купленной по дороге пиццей, отрезаю большой кусок, начинаю его жевать и строго говорю себе: «Таня! Не хомякай всю пиццу». А у Ри- ны в лексиконе есть слово «касруль». Интересно, кто из ее окружения в детстве называл так кастрюлю?

– В СВЧ-печке, – повторила Ирина, – не на плите.

– Почему? – удивилась я.

– На огне яйца получаются упругими, белок слегка «ре-

зиновый», – пустилась в объяснения мать шефа, – и желток будет крошиться. В печке они станут нежными, кремовыми. Поторопись, Танюша! Поставь яйца и сразу насыпь сыр на запеканку. Я в очереди застряла. Одна касса на весь магазин работает.

– Все сделаю, – заверила я.

Глава 7

Я хорошо знаю, что металлическую посуду в СВЧ-печку ставить нельзя, поэтому достала из шкафа стеклянный сотейник, налила туда воды, опустила в нее яйца и призадумалась. Какое время выставить? Три минуты достаточно? Нет, лучше пять, чтобы наверняка. Не хочется увидеть разочарование на лице Рины, когда она станет очищать скорлупу и поймет, что у нее в руках яйца всмятку.

СВЧ на кухне у Ирины Леонидовны висит над столешницей, правее отдельно установленной духовки. Включив печку, я открыла жарочный шкаф, выдвинула оттуда форму с вкусно пахнущей запеканкой, щедро посыпала ее сверху тертым сыром, вернула ужин на место, хотела посмотреть, сколько времени осталось вариться яйцам, и тут прогремел взрыв!

Я на автомате схватила лежащую на століке доску, прикрыла ею голову и отпрыгнула в дверной проем. Что происходит? В квартире шефа сработала бомба? Или... Другая мысль не успела прийти в голову, еще раз послышалось оглушительное ба-бах! Дверка СВЧ распахнулась, оттуда вылетело нечто непонятное, шмякнулось о картину, изображающую двух котов, готовящих котлеты, пробило в бумаге дыру и исчезло. Через секунду из печки вылетела кастрюлька и понеслась прямо на меня. Я взвизгнула и присела. За спиной

раздался грохот. Меня многократно тренировали, как нужно вести себя в момент серьезной опасности. И на занятиях с инструктором я всегда действую четко, уверенно, по протоколу. Но никто до сих пор не удосужился объяснить мне, что надо делать, если по комнате летает обезумевшая стеклянная емкость.

Я заползла под дубовый стол и зажмурилась, слушая звон и стук, потом на время установилась тишина и раздался хорошо знакомый голос:

– Ооо!

Я осторожно высунулась из укрытия, увидела, что в кухне стоит Иван, а справа на него летит нечто, напоминающее мяч для пинг-понга, и заорала:

– Чужой!

Шеф метнулся к высокому буфету и в мгновение ока ввинтился в щель между ним и стеной. «Мячик» пролетел в кухонную зону, оттуда незамедлительно послышался звук бьющейся посуды. Я снова спряталась под стол. Что происходит? Это нападение? В квартиру проникли посторонние? Визит бандитов связан с делом Моисеенко? Или с каким-то другим расследованием, которое проводит не моя бригада? Охотятся на меня или на Ивана Никифоровича? Никто не знает, что я провожу свободное время с боссом, но выяснить, где я порой бываю по вечерам, совсем не трудно.

– Что у нас происходит? – раздался голос Рины.

Я осторожно приподняла скатерть, услышала нарастаю-

щий свист...

– Ложись! – крикнул Иван.

Ирина Леонидовна как подкошенная шлепнулась на пол. Я опустила край льняной скатерти, но он тут же зашевелился. Под стол вползла мать Ивана.

– Прямо тайфун Мария, – шепнула она. – В столовой разбита лампа на консоли и всякие финтифлюшки, которые около нее кучковались, пол местами мокрый, непонятные бело-желтые крошки вокруг, рассеяны осколки...

– В СВЧ-печке, похоже, находилось взрывное устройство, – ответила я. – Я поставила яйца, и оно сработало.

– С утра там ничего не было, – пробормотала Ирина Леонидовна, – хотя... я выходила на пару часов, ездила на рынок, заглянула в булочную...

– Опытному человеку заложить взрывчатку недолго, – еле слышно добавила я.

– У нас серьезная охрана и такая дверь, которую невозможно взломать, – возразила Ирина, – и окна неприступны. Дом совершенно безопасен. Ваня правильно оценивает риск своей работы. Поэтому наша квартира сродни бункеру.

– Взломать можно все, – вздохнула я.

– Люди, способные справиться с нашими замками и системой безопасности, должны быть мегапрофи, – забубнила Ирина, – и пожара нет. Просто взрыв произошел. Обычно потом горит. Странно.

– По столовой и кухне летала кастрюля с водой, – поежи-

лась я, – и что-то вроде маленьких белых мячиков. Вы правы, необычная ситуация: посуду не разнесло при взрыве.

В глазах Ирины Леонидовны блеснуло недоумение.

– Кастрюля с водой? Откуда она взялась?

– Я варила по вашей просьбе яйца, – объяснила я.

Ирина Леонидовна начала смеяться.

– Таня! Ты взяла...

– Стекланный сотейник, – перебила я, – налила в него воду, положила яйца, поставила таймер на пять минут.

Рина, закрыв ладошкой рот, выскочила из-под стола.

– Нет, нет! Там опасно, – испугалась я, – надо саперов вызвать.

– Пустяки, – сказала Ирина Леонидовна и расхохоталась.

Не понимая, что веселого она нашла в произошедшем, я тоже вылезла наружу.

– Ваня, это яйца! – давясь смехом, пояснила мать.

– Какие? – задал гениальный вопрос шеф, зажатый между стеной и буфетом.

– Куриные, – уточнила Рина. – Танюша, их нельзя варить в СВЧ! Они там взрываются, что у тебя и получилось, несколько яиц развалились в хлам, остальные стали по воздуху носиться.

Секунду я переваривала информацию, потом оглядела разбитую лампу, превращенные в крошево фарфоровые фигурки, и начала оправдываться:

– Вы же просили приготовить яйца в печке.

Ирина Леонидовна не стала отрицать:

– Да – но предупредила, что надо взять касруль.

Я показала на осколки, усеявшие пол:

– Вот что от кастрюльки осталось!

– Не может быть, – заморгала Ирина Леонидовна, – касруль пластиковая.

Настал мой черед удивляться.

– В шкафчике были только металлические кастрюли, стеклянная нашлась всего одна...

Рина поспешила в кухонную зону.

– Так это кастрюли. А я говорила про касруль. Вот она!

Рина сняла с полки, висящей около холодильника, фигуру курицы из белого пластика, и подняла ее верхнюю часть. Я увидела на нижней шесть углублений, Ирина Леонидовна начала объяснять:

– Сюда наливается чуть-чуть воды, ставим яйца, закрываем. Вот так!

Рина опустила крышку, и я увидела над крылом надпись: «Волшебный касруль».

– Почему такое дурацкое название? – только и смогла спросить я.

Ирина Леонидовна развела руками.

– Не знаю. Может, по аналогии с кастрюлей? Взрыв был, но бомбы нет, бандиты в дом не заходили. Ваня, вылезай. Однако тебя храбрецом не назовешь, забился в укрытие и не вылезает.

– Давайте я замету осколки, – предложила я.

Рина натянула толстые кухонные варежки.

– Пусть пока лежат, а то запеканка перестоит и потеряет аромат. Сейчас посыплю ее варником, и мы полакомимся. Ваня! Почему ты не выходишь?

– Тут тихо, хорошо, – забубнил шеф, – уютно. Лучше я стоя поужинаю, больше влезет.

Мы с Ириной переглянулись и хором сказали:

– Застрял!

– Нет, нет, нет, – возмутился босс, – просто психологически устал от просторных помещений, в них крайне неуютно. Каждому человеку нужно найти место, где...

– Давай руку, – велела мать, подходя к нему.

Иван подчинился. Ирина стала тянуть его, но вытащить не смогла. Я решила подключиться к ней, и схватила шефа за вторую длань.

– Раз, два, три, – скомандовала Рина.

Я, что есть силы, дернула Ивана.

– Ой! Больно, – пожаловался тот.

– Как ты туда втиснулся? – спросила я.

– Быстро, – ответил шеф, – и без всякого труда.

Ирина Леонидовна сделала пару шагов назад.

– В момент стресса Ваня сжался, а когда очутился между стеной и буфетом, разжался. Эффект резинового мячика в бутылке.

– Точно, – обрадовалась я, – нам классе во втором учи-

тельница показала стеклянный сосуд с очень узким горлышком. Внутри был мячик. Никто из детей не понял, как его туда поместили. Педагог растолковала: «Мяч упругий, деформируется легко и поэтому прошел сквозь горло. Теперь он принял привычную форму, достать его иначе, чем разбив колбу, нельзя».

– Ну надо же, – восхитилась Рина, – мне в свое время в классе о том же говорили. У наших учителей все стабильно, и это прекрасно. Делаю вывод: вернуть Ване свободу можно, только разломав или буфет, или стену. Дорогой, выбор за тобой, решай, что крушить?

– Зачем так радикально, – пропыхтел шеф, – можно отодвинуть.

– Стену или буфет, уточни, – потребовала Ирина.

– Буфет, – вздохнул босс, – со стеной сложности возникнут.

– Отлично, – обрадовалась хозяйка, – главное, понять, как действовать. Танюша, упирайся руками вот сюда, я вон туда, и раз, два, три...

Я толкнула буфет, судя по кряхтению, которое издала Ирина Леонидовна, она поступила точно так же. Но сооружение из дуба не сдвинулось даже на миллиметр.

– Если освободите полки, станет намного легче, – посоветовал Иван. – Мама, что там хранится?

– Вверху серебряный сервиз на двадцать четыре персоны, восемь подсвечников из того же металла, в нижнем от-

делении льняные скатерти, салфетки, за стеклом, сам видишь, бокалы, блюда под торты-пирожные, рыбу, мясное ассорти, – начала монотонно перечислять Рина, – что за верхними дверцами, я забыла, но там полно всего. Ваня, нам с Танюшей, чтобы все это вытащить, год потребуется. Попробуй выдохнуть, авось тоньше станешь, повернись бочком. Может, на четвереньки опустишься и выползешь?

Шеф засопел.

– Последнее я точно не сделаю.

– Нужен рычаг, – сообразила я, – подложим его под ножки, нажмем...

– И буфет опрокинется, – испугался босс.

– Нам не нужен рычаг, – пропела Рина, – нам нужен здоровенный мужик. Ваня, как зовут гору из второй квартиры? Дядька выглядит устрашающе, но он приветливый, всегда здороваается.

– Константин Михайлович, – подсказал сын.

– Нет, – возразила Рина, – вспомнила, он Кирилл Максимович.

– Совершенно точно Константин Михайлович, – стоял на своем босс.

– Кирилл Максимович, – повторила Ирина Леонидовна, которая принадлежала к классу активных спорщиков. – Кирилл Максимович. Чем это пахнет?

Я подергала носом.

– Запеканкой.

- Незнакомый аромат, – удивилась Рина, – никогда его ранее не ощущала.
- Это от сыра, – предположила я, – он благоухал виноградом.
- Странно, – протянула хозяйка, – у уругвайского сыра был другой запах.
- От термической обработки некоторые блюда приобретают специфический вкус, – присоединился к разговору Иван.
- Дорогой, мы говорили об аромате, – поправила его мать. – Ой! Запеканка! Она перестоит в духовке и станет несъедобной. Мне все равно, как зовут великана из второй квартиры. Сейчас приведу его сюда.
- Рина кинулась в прихожую, но мне удалось поймать ее за руку.
- Ирина Леонидовна, за помощью отправлюсь я.
- Ты незнакома с соседом, – возразила хозяйка.
- Вы тоже с ним не в близких отношениях, – улыбнулась я, – лучше посыпьте пока запеканку воронкой, а то она испортится.
- Варником, – поправила Рина, – да, ты права. Вторая квартира. Не перепутай.
- С математикой я не дружу, но цифры до десяти знаю хорошо, – заверила я.

Глава 8

Дверь апартаментов на втором этаже распахнул высокий щуплый дядечка в очках.

– Добрый день, – ласковым голосом завела я, – меня зовут Татьяна, я из шестой квартиры. У нас случилась небольшая катастрофа. Иван Никифорович случайно застрял между буфетом и стеной. Не мог бы ваш брат нам помочь?

– Я единственный сын у родителей, – неожиданно густым для столь тощего тела басом перебил меня мужчина.

– Ну... может, тогда ваш... э... папа? – осторожно продолжила я и услышала:

– Отец и мать давно покинули этот мир.

– В вашей квартире есть какой-нибудь мужчина? – начала я терять терпение.

– Да, – спокойно подтвердил незнакомец.

Я обрадовалась, сейчас увижу «гору».

– Он дома?

– Да.

– Можете его позвать?

– Не надо.

Я потрясла головой.

– Наоборот. Очень надо.

– Не надо звать, я уже тут, перед вами, – растолковал дядечка, – живу один.

Стало понятно, что беседу надо начать заново.

– Здравствуйте, Константин Михайлович, помогите, пожалуйста, Ивану, он застрял между стеной и буфетом, ему там плохо.

– Да. Конечно. Подождите секундочку, – быстро согласился владелец квартиры и, не закрывая двери, пошел по длинному коридору в глубь своих апартаментов.

Я смотрела ему вслед. В моем понимании гора это кто-то двухметрового роста, весом в полцентнера. С ростом у соседа полный порядок, он выше многих, но большой мышечной массы у него нет. Странно, что Рина считает Константина силачом.

– Готов, – коротко сказал сосед, возвращаясь.

Я опять удивилась. Зачем он взял с собой чемоданчик?

Когда мы вошли в столовую, Константин громко спросил:

– Кому нужна помощь?

Я показала на Ивана.

– Он там.

Сосед подошел к буфету.

– Добрый вечер. Можете вытянуть правую руку?

– Сейчас, – запыхтел шеф, – вот.

– Закатаю вам рукав, не волнуйтесь, – продолжал сосед.

Я села на стул. Однако странно, зачем силачу голая рука босса?

Константин поставил на стол чемоданчик, откинул крышку, достал тонометр и начал наворачивать манжет на пред-

плечие Ивана со словами:

– Не очень, конечно, удобно, но работать приходится в разных условиях.

Я не знала, как реагировать на происходящее. Из кухни высунулась Ирина Леонидовна, глянула на приведенного мной соседа и пропела:

– Танюша, мне нужна твоя помощь.

Я поспешила на зов.

– Это кто? – шепотом осведомилась мать шефа.

– Гора, – коротко ответила я.

– Нет! Тот совсем другой, – возразила Рина, – на саблезубого медведя похож.

– Константин Михайлович открыл дверь, сказал, что живет один, – объяснила я.

– Сто десять на семьдесят, – громко объявил сосед, – слегка пониженное, но это не страшно. Теперь держите градусник.

Мы с Ириной вышли в столовую.

– Простите, Кирилл Максимович, – произнесла хозяйка.

А я одновременно с ней начала:

– Константин Михайлович, зачем...

Потом мы обе замолчали. Шеф издал смешок:

– Уж извините, не первый год в одном подъезде живем, а не познакомились. Меня зовут Иван Никифорович. У стола моя мать Ирина, рядом с ней Татьяна.

– А к вам как обращаться? – поинтересовалась я. – Кон-

стантин Михайлович?

– Нет, – ответил сосед, доставая из чемоданчика одноразовые перчатки.

– Ага! – заликовала Ирина. – Я права! Вы Кирилл Максимович!

– Борис Петрович, – представился мужик, – врач-фитотерапевт, специалист по поддержанию и продлению жизни.

– А-а-а, – сконфузилась Ирина, – извините.

– Ну что вы, – не обиделся доктор, – наверное, вы спутали меня с Кирсаном Махметовичем, он чемпион, штангист, сейчас тренер, живет во второй квартире.

– Погодите, там вы обитаете, – растерялась я, – только что я звонила в дверь, вы ее открыли.

– Нет, Татьяна, – возразил Борис, – вы спустились на второй этаж и обратились в квартиру один. На первом этаже у нас никто не живет, там просто подъезд. Вторая квартира на третьем этаже.

Я опустилась на стул. Танюша, ты молодец. Сначала запихнула в СВЧ кастрюльку с яйцами, устроила взрыв, а потом, не посмотрев на номер квартиры, притащила для перемещения шкафа не штангиста, а хлипкого доктора. Да еще пару раз сказала ему: «Ивану Никифоровичу плохо». Я имела в виду, что боссу неудобно стоять, втиснувшись в узкое пространство. А врач воспринял мои слова по-своему, не понял, что его зовут в качестве, так сказать, движущей силы, решил, что Ивану необходима медицинская помощь, и по-

этому меряет ему давление и температуру.

– У меня такая вкусная запеканка на ужин, – зачастила Ирина, – огромный противень, нам троим его не одолеть, а на завтра оставлять нельзя. Давайте пригласим штангиста Курбана Мефодьевича, он поможет нам решить проблему, а потом все вместе поужинаем, заодно и подружимся.

– Кирсан Махметович уехал на соревнования, – меланхолично произнес врач, – я дал ему витаминов для его спортсменов. Что касается меня, то с огромным удовольствием поем, потому как проголодался. Очень мило с вашей стороны предложить мне ужин. Иван Никифорович, и давно вы испытываете желание забиться от жизненных трудностей в щель?

– Ммм, – промычал босс.

– Татьяна правильно беспокоилась, – продолжал эскулап, – насколько я могу судить по беглому осмотру: ваше физическое состояние не внушает опасений. А вот психическое, м-да. Когда мужчина вашего возраста и комплекции втискивается в щель, где и небольшой собаке не поместиться, это наводит на мысль о шизофренически-депрессивном, казуально-вербально-ментальном трансцендентном состоянии аутонеблагополучия и тревожно-коммуникативном расстройстве самонеосознания душевного комфорта.

– Что? – открыла рот Рина.

– Если коротко, у вашего сына синдром Кавалерова, – выдал Борис. – Моя фамилия Кавалеров, я открыл эту болезнь. Занимаюсь разработкой ее лечения. Создал...

Я решила прояснить ситуацию:

– У нас взорвалась кастрюля с яйцами, все подумали, что в СВЧ бомба, мы с Риной спрятались под столом, а Иван как-то втиснулся и не может оттуда выйти.

– Не стоит смотреть телевизор по вечерам, – вздохнул врач, – это ведет к тревожно маниакальной аффективности, старению мозга и необъяснимым страхам. Зачем и кому понадобилось вам бомбу подкладывать? Вы простые люди, ничем серьезным не занимаетесь. Кроме традиционного медицинского образования я имею еще диплом психолога-профайлера, вижу людей, как аппарат УЗИ. Вот вы, например, Татьяна, повар. К этому выводу легко прийти, увидев вас издали. Ваша мама балерина на пенсии, она готовить не умеет, поэтому вы и выбрали такую профессию, очень в детстве есть хотели. А ваш супруг журналист.

Ирина начала хихикать. А я глупо улыбалась. Надеюсь, член моей новой бригады профайлер Ватагин не похож на Бориса Петровича, который ухитрился попасть пальцем в небо во всех случаях. Я не дочь Ирины, мы с Иваном не супружеская пара. И с профессиями Борис не угадал, хотя я могу понять, почему он ошибся. Меня он превратил в повара из-за монументальности фигуры. Ирину посчитал балериной на пенсии из-за редкой для дамы ее лет стройности. Хотя в одном господин душевед прав, я в детстве всегда была не прочь перекусить, да и сейчас не жалею на отсутствие аппетита. Но почему Иван журналист? Тот же вопрос при-

шел в голову и Рине:

– Отчего вы решили, будто Ваня корреспондент?

– Они в любую щель залезут, настырные очень, – объяснил ход своих мыслей врач. – А теперь подумайте, кому могла навредить самая обычная семья? Зачем вас взрывать? Хотите, научу вас делать специальные упражнения, и вы перестанете чего-либо опасаться?

– Нам бы буфетик отодвинуть, – попросила Рина.

– Хорошая идея, – согласился врач, – надо устранить в доме возможность забиться в слишком узкое пространство. Правильно мыслите. Отодвинете мебель, и больному станет понятно: забиться некуда.

– Иван здоров, – возразила Ирина, – он просто застрял.

– Отрицание! – воскликнул врач. – Родственникам трудно сразу принять болезнь члена семьи. У всех одна реакция. Это естественно. Я могу справиться сегодня с проблемой. Но только сегодня. В дальнейшем необходимо...

– Спасибо, – обрадовалась я, – хоть вы и не штангист, но если мы объединим усилия...

– Конечно, – не дал мне договорить врач, вытащил из чемоданчика здоровенный шприц с иглой толщиной с мой палец и, прежде чем мы с Риной успели отреагировать, молниеносно воткнул ее Ивану в плечо. Шеф заорал и выпрыгнул на середину столовой.

– Ура! – закричала Рина. – Карен Мансурович! Вы гений! Несу запеканку. Садитесь к столу.

– Что-то мне не хочется ужинать, – пробормотал босс, потирая руку. – Какое лекарство вы мне ввели, Борис Петрович?

Врач протянул Ивану листок.

– Комплекс витаминов, вот, можете почитать, прекрасный бодряще-успокаивающий состав.

– Ваня, ты откажешься от моей запеканки? – ахнула Рина.

– Вроде ничего плохого, – оценил шеф, отдавая листовку доктору. – Ну что ты, мама, конечно, съем ее дочиста.

Мы уселись за стол, Рина горестно вздохнула.

– Не понимаю почему, но не получилось аппетитной корочки. Танюша, ты весь брусок натерла?

– Ни кусочка не осталось, – заверила я.

– Мама, ты волшебнo готовишь, – похвалил ее Иван.

– Корки красивой нет, – пригорюнилась Рина.

– Прости меня за прямоту, но в еде главное не вид, а вкус, – засмеялся Иван и отправил в рот большой кусок запеканки.

Вслед за ним то же самое проделал Борис, а я медлила. Блюдо, приготовленное Риной, сильно пахло, не скажу, что противно, но пробовать его желания у меня не возникло.

– Ну как? – осведомилась Ирина Леонидовна. – Ваня, почему молчишь?

Шеф вскочил и выбежал из комнаты. Борис Петрович схватил бумажную салфетку, прижал ее ко рту и ринулся за Иваном.

– Что это с ними? – удивилась Рина и попробовала свое произведение.

Не успела вилка очутиться у нее во рту, как она подпрыгнула и помчалась на кухню, оттуда незамедлительно донесся плеск воды, затем Ирина Леонидовна крикнула:

– Танюша! Какой сыр ты натерла?

Я пошла к мойке.

– Тот, что вы велели. Он лежал вот здесь, на рифленной части, желтый брусок с бордовой коркой.

Ирина оперлась руками о мраморную столешницу.

– Ой, не могу! Танюша! Я предупредила: сыр находится на столике справа от мойки. А где у нас ребристая часть?

– Слева, – пробормотала я.

Рина начала смеяться.

– Теперь посмотри куда надо. Сыр лежит себе преспокойненько на тарелочке.

Я повернула голову. Действительно, вижу прямоугольный кусок, завернутый в пленку.

– Тебя не смутило, что уругвайский пармезан просто так, без упаковки, валялся на мойке? – веселилась Ирина. – Его странный запах не удивил?

– Ну... – проямлила я, – аромат винограда... эти ягоды часто к сырной тарелке подают... А что я натерла?

Рина расхохоталась.

– Мыло! Я купила его сегодня утром на пробу, мне надоело жидкое, решила попробовать что-то новенькое.

Я попятилась.

– Не может быть! Оно выглядело, как сыр! Не отличить.

– Мыльце сделано специально для мытья посуды, – сгибаясь от смеха, проговорила Ирина, – производители решили: забавно его как кусок эдама оформить! Ой, не могу! Давно у нас такого веселого вечера не было! Сначала кастрюлька с яйцами взорвалась, потом Ваня застрял, затем доктор этот, смешной жутко... И мыло вместо сыра! Ах, слезы из глаз потекли. Прости, Танюша, сейчас вернусь, только носик попудрю.

Ирина Леонидовна убежала. Я секунду постояла, глядя на сыр, потом поспешила в прихожую и стала надевать кроссовки. Деликатная Ирина Леонидовна не упомянула, что все это безудержное веселье произошло благодаря госпоже Сергеевой. Впору под землю от смущения из-за собственной глупости провалиться.

– Ты куда? – удивился Иван, выходя в холл.

– Домой, – пробормотала я, – завтра рано вставать, совещание в девять утра.

Шеф не стал меня задерживать.

– Провожу тебя до машины.

Мы вместе вышли из подъезда, я села в джип, захлопнула дверь и опустила стекло водительской двери.

– До завтра.

Иван помахал мне рукой.

– Таня, у меня к тебе есть предложение.

Я завела мотор.

– Слушаю.

– Выходи за меня замуж, – сказал босс.

Поверьте, я была готова услышать что угодно, но не эту фразу, поэтому от удивления ляпнула:

– Я толстая!

Босс усмехнулся.

– Просто ты обладаешь мышечной массой, обретенной в результате постоянных занятий спортом. А во-вторых, какая разница, что показывают весы? Я хочу взять тебя в жены, а не сделать из тебя прима-балерину. Ты подумай, не торопись с ответом.

Иван Никифорович развернулся и побежал к подъезду. Я выехала на проспект и помчалась вперед. Выйти замуж за шефа? Да уж, сегодняшний вечер побил все рекорды по части сюрпризов.

Глава 9

– Думаю, начать надо мне, – сказала Буль, когда все уселись вокруг стола.

– Хорошо, приступайте, – согласилась я.

– Ивана Никифоровича нет, – заметила Анна.

– Он руководит несколькими бригадами, – объяснила я, – и не сможет постоянно приходить на наши рабочие совещания. Что интересного обнаружили, Любовь Павловна?

Буль потеряла переносицу.

– Мы помним, что у двери магазина «Ласка» сотрудник, пришедший раньше всех на работу, нашел тело женщины. Он вызвал полицейских, которые оказались отменными головотяпами или элементарными лентяями. Парни отправили покойную в морг и забыли о ней. В сумке, найденной рядом с телом, была кредитка, на ней указаны имя, фамилия, но никто не озаботился сообщить Галине о смерти дочери.

– И хорошо, что полицейские оказались разгильдяями, – зашумела Аня, – благодаря их безответственности Галина Сергеевна не получила стресса. Хотя, конечно, это форменное безобразие! Ну как можно так работать! С полнейшим пофигизмом и наплевательским отношением к людям.

– Меня это не удивляет, – протянул Валерий, – я повидался всякого, когда на земле работал. Иногда даже карманы трупа не проверяют, а там паспорт. Тело притянут в морг,

одежду на склад сдадут, покойника как неизвестного оформляют. Хорошо, если родственники дотошные, начинают повсюду с фотографией бегать, и какой-нибудь санитар привезенного клиента опознает. В противном случае упокоится бедолага вместе с такими же неопознанными, а семья не узнает, что он мертв.

– Причина смерти: инфаркт вследствие передозировки лекарства «Пситомарин», – продолжала Буль. – Этот антидепрессант давно Россией не закупается, на то есть ряд причин, он имеет массу побочных эффектов, начиная от неукротимого роста аппетита и заканчивая высоким риском развития инфаркта-инсульта. Все медикаменты не рекомендуются запивать алкоголем. Но есть люди, которые плевать хотели на указания врача и инструкцию производителя, проглотив таблетку, они сразу хватаются за спиртное. Реакция организма может быть непредсказуемой. У одних алкоголь изменяет действие лекарства в сторону возбуждения, других, наоборот, вгоняет в сон. Кое у кого пропадает весь эффект от приема препарата: вы его пили, но после стопки водки оно не действовало. Этакая лотерея, неизвестно, какой билет вытащишь. А вот с «Пситомарином» почти у всех одинаковая ситуация: залил в желудок любое спиртное, оно упало на пилюлю, и тушите свет. Антидепрессант становится во много раз мощнее, человек быстро засыпает. А дальше уж, как Господу Богу угодно. Одни, прохрапев сутки, просыпаются, испытывая ощущение, сходное с сильным похмельем. Дру-

гие попадают в больницу, их откачивают, но кое-кого спасти не удастся. Из-за крайне резкой реакции «Пситомарина» с «огненной водой» у нас его перестали закупать. Наши люди считают водку панацеей от всех бед, лечатся «беленькой» от простуды, гриппа, поноса, а уж в случае плохого настроения опрокинуть стакан просто сам бог велел. Поэтому сейчас в аптеках «Пситомарин» не найти. Но то, чего нет в аптеке, легко нарыть в Интернете, там тебе что угодно продадут. Характерным признаком отравления «Пситомарином» является темно-синяя кайма вокруг рта, и у нашей покойной она отчетливо видна. В организме этой девушки обнаружили наличие «Пситомарина», равное пяти разовым дозам, и еще большое количество коктейля, который народ называет «Морская пена». Одна его порция содержит шестьдесят миллилитров водки, лимонный сок, сахарный сироп, сырой яичный белок и несколько кубиков льда. Смесь взбивается, получается пена, из-за которой коктейль получил свое название.

– Неизвестная проглотила препарат и начала зажигать, – поморщилась Анна, – очень глупо.

Любовь Павловна встала и подошла к доске, висевшей на стене.

– Могу сказать, что силой в нее ничего не заталкивали и не вливали. Она добровольно воспользовалась лекарством и сама принялась опустошать бокал за бокалом. Но! Вкус водки в «Морской пене» вообще не ощущается, лимонный сок,

сахарный сироп и взбитый белок отлично маскируют ее вкус. Женщина могла пить смесь, понятия не имея, что в одной порции шестьдесят миллилитров сорокаградусной.

– Кто-то увидел, как она вынимает блистер и, зная о реакции препарата на алкоголь, начал угощать ее коктейлями, – предположил Валерий. – У нас убийство.

– Мы не можем пока утверждать это наверняка, – охладила я пыл Крапивина.

– Подождите, дайте договорить, – попросила Буль. – Вскрытие в морге сделали тят-ляп. С трупом работал стажер. Когда я указала на массу допущенных при исследовании ошибок, мне спели песню о маленькой зарплате, о том, что профессионалы уходят в частные похоронные структуры, где получают в разы больше, и с неизвестной-то все ясно было. Ярко выраженная кайма вокруг рта свидетельствовала о приеме «Пситомарина» вкупе со спиртным. Главный прозектор кинул взгляд на погибшую, понял, что та смешала антидепрессант с водкой, велел практиканту: «Потренируйся на простом случае», – и пошел заниматься более интересными делами. Чего же не нашел студент?

Буль выпрямилась.

– Он не понял, что примерно год назад покойная родила. Но и это не самое интересное. Эдита, дай нам фото.

Большой экран на стене посветлел, эксперт взяла указку.

– Зубы. Их нет.

– Совсем? – с недоверием спросил Александр Викторо-

вич.

Буль показала световым лучом на челюсти.

– Видите белые отметины? Это импланты, они служат основой для мостов. Не так давно у женщины удалили все моляры-премоляры, на их место одномоментно установили титановые корни, потом навинтили коронки. Стоматологу, который все это соорудил, руки оторвать надо. Денег небось взял гору, а сделал кое-как. Сия красота года на два, на три, а может, и меньше.

– Стоп, – скомандовала я, – сама ставила импланты, их у меня три штуки. Попросила доктора за один визит их поставить, но Аркадий Залманович отказался. По его мнению, этого делать нельзя. Я к Темкину три месяца ходила. А у этой несчастной десять железных штырей, которые, по вашему мнению, сразу установили?!

– Твой врач ответственный человек, – сказала Аня, – посмотри Интернет, там полно объявлений: «Установим любое количество имплантов за день». Кое-кому плевать на пациента, главное, денег срубить. Любовь Павловна, вот вы только что сказали...

– Если можно, без отчества, – поморщилась патологоанатом, – лучше Буля, но можно и Люба и на «ты». Некорректно подчеркивать, что ты намного меня моложе.

– Простите, – неконфликтно отреагировала Анечка, – вот ты, Буля, обвинила прозекторов больницы в невнимательности, но посмотри, они все снимки сделали.

– Как же, – хмыкнула Люба, – это моя работа.

– Сейчас десять утра, – удивилась я. – Когда ты успела?

– Ночью занималась трупом, забрала его вчера вечером, – объяснила эксперт. – Начальник больничного морга чуть не скончался от страха, когда увидел разрешение на вывоз неопознанных останков, подписанное его верховным божеством, сидящим там, – эксперт показала пальцем на потолок. – Не знал, куда лбом передо мной в пол тюкнуться. Работа в особой бригаде приятная штука, я только заикнулась, и Иван Никифорович организовал нужный документ с красивыми автографами.

– Да, это так, – кивнула я, – шеф имеет неограниченные полномочия.

– И он красавчик, – хихикнула Аня.

Люба сдвинула брови, но не одернула Попову.

– Ее зубы, вернее их отсутствие, меня не удивили. У некоторых уже в двадцать лет во рту одни пеньки. Но как установить личность девушки?

– Трудности с идентификацией трупа? – раздался вдруг голос Ивана.

Я вздрогнула, не заметила, как он вошел в комнату.

– Уже работаю, – ответила Эдита, – сравниваю ее фото со снимками пропавших без вести.

– Но ведь можно снять отпечатки пальцев, сделать анализ ДНК, – напомнил Валерий.

– Рою по всем параметрам, – кивнула Эдя. – ДНК Буль

взяла, но пока сходства в базах нет. Если покойная раньше пробу не сдавала, мы в пролете. Образец сравнить не с чем будет. И с пальчиками облом. Их нет.

– Как нет? – не поняла я.

– Папиллярные линии нарушены с помощью лазера, – пояснила Люба, – новые технологии. Кожный узор на подушечках ликвидируется с помощью прибора. Ранее преступный мир жег пальцы огнем, кислотой, резал бритвой, но оставались рубцы, глядя на которые сразу становилось понятно: неладно что-то с этим человеком. А сейчас лазер превращает петли и дуги в мешанину, не оставляя от операции ни малейшего следа. Конечно, взяв отпечатки, понимаешь, что их специально деформировали. Но следов-то нет! Подушечки выглядят нетронутыми, доказать, что они подвергались воздействию, невозможно. Человеку говорят: «Алло, дорогой, ты зачем пальчики-то исправлял?» А тот в ответ: «Не понимаю вопроса, я с такими родился». Прибавь сюда пластику лица, документы на другое имя, и упс! Исчез убийца-маньяк-насилник. Вместо него появился добропорядочный гражданин. Остается анализ ДНК, его не подделаешь. Но коли его раньше не брали, то и тут облом. Повторю уже сказанное Эдей: образец сравнить не с чем будет.

Я посмотрела на Ивана.

– Удаленные зубы и переделанные папиллярные линии. Личность неизвестной хотели скрыть.

– Кто-то же должен искать девушку из морга! – возразила

Попова. – У нее есть ребенок.

– И что? – мрачно поинтересовалась я. – Мы не в курсе, жив ли он. Известно лишь, что незнакомка рожала.

– Примерно год назад, – снова уточнила Буля, – было кесарево. Младенец мог умереть, или его отдали на воспитание.

– Заявления о пропаже молодой женщины в последние две недели никто не подавал, – объявила Эдита, – и программа не нашла сходства по фото в базе. На ДНК я бы тоже не рассчитывала.

– Тело бросили у магазина «Ласка», – вспомнила я. – Эдита, можешь сказать, где он находится и чем торгует?

– Женская одежда средней ценовой категории, – быстро нашла ответ Булочкина, – у них на сайте написано: «Лучшие элитные коллекции Европы. Берете три вещи, четвертую получите с пятидесятипроцентной скидкой». Наверное, там много покупателей, расположена точка весьма удачно, неподалеку большой офисный центр, поликлиника, кинотеатр, несколько кафе. М-да, труп явно не собирались прятать. И, судя по легкой одежде и балеткам, неуместным в нынешнем июне, тело к магазину откуда-то привезли.

– Почему именно туда? – удивилась я. – Могли бросить где угодно.

– Может, ее убили в соседних домах? – предположил Крапивин.

– Обычно преступники пытаются скрыть труп, а здесь все

с точностью наоборот, – заметила Анна.

– Хотелось бы договорить, – нахмурилась Буля. – У покойной очень странные синяки на ногах, на икрах. Пока представить не могу, какой предмет их оставил. Видите?

– Тонкий полумесяц, – кивнула Аня.

– Буква «С», – высказал свое мнение Валерий, – но она в разных видах, по правилам «С» смотрит вправо. Но вот тут она повернута налево.

– Здесь это не «С», а «О», которое распилили поперек, – оживилась я, – оставили лишь верхнюю половинку.

– У нас есть снимки, которые сделала полиция, когда явилась по вызову сотрудников магазина? – поинтересовалась я.

– Вот, любуйтесь, – немедленно ответила Эдя, – тело лежит около входной двери. Может, когда ей стало плохо, она хотела попросить помощи?

– Нельзя отрицать этот вариант, – не стала спорить я, не понимая, что меня беспокоит.

Вроде ничего особенного. Высокая лестница, потом довольно широкая площадка, по бокам которой стоят каменные горшки с цветами, у двери магазина лицом к ступенькам лежит женщина в белом сарафане. Что меня настораживает? И как к погибшей попала кредитка Гортензии?

Глава 10

– Смотрите, – сказала Эдита и показала на экран, – Лариса Федоровна Пашкина, двадцать девять лет. Один раз попала в зону внимания полиции, но вышла сухой из воды. Она просто копия той, что лежит в морге. Зарегистрирована по адресу Краснолесной переулок, дом двенадцать, квартира шесть. Место работы: фрилансер.

– Как ты ее нашла? – спросила я.

Эдя показала на ноутбук.

– Запустила фото лица умершей в поиск. Нигде в наших базах оно не нашлось, значит, девицу не привлекали к ответственности, и вдруг – бац! Только что вылетела фотомордочка с пометкой: «Программа Эксперимент». Сейчас объясню, что случилось. Бокова Наталья Ивановна, сорока девяти лет, вызвала полицию в кафе «Мона». Женщина пошла посмотреть пирожные на витрине, краем глаза увидела, как девушка за соседним столиком, недоев десерт, поспешила к двери, вспомнила, что оставила на стуле свой кошелек, и заорала: «Держите воровку!» Пашкину схватил охранник у двери. Ларису попросили открыть сумку, она ответила отказом. Приехавший патруль забрал всех в отделение. В сумке Пашкиной портмоне не оказалось, но его нашли в кафе на полу. Ларису задержали, утром прибыл ее адвокат, вмиг объяснил полицейским, что кошелек могла уронить сама Бокова,

свидетелей противоправных действий Пашкиной нет. На том все закончилось. Но отделение, куда замели Ларису, участвовало в трехмесячном эксперименте, его оснастили камерами и компьютерами. Едва в КПЗ кто-то попадал, автоматически делалось фото и отправлялось в базу. Одно время хотели установить такую технику во всех участках. Снимок любого человека, совершившего даже мелкий хулиганский проступок и отпущенного наутро после сурового внушения, остается навечно в архиве. Но потом посчитали, в какую сумму обойдется эта затея, и забыли о ней. Пашкина очутилась в камере, когда аппаратура вовсю работала. Ее изображение поэтому сохранилось.

– Понятно, – сказала я. – Теперь хочется узнать, как к Пашкиной попала кредитка Гортензии. Лариса ее украла? Или Моисеенко сама отдала ей карточку? И хорошо бы сто-процентно удостовериться в том, что в морге тело Ларисы Федоровны, а не какой-то очень на нее похожей девушки.

– Ну да, – протянула Эдита, – но, думаю, это точно она. Смотрите, на полицейском фото отлично видна особая примета, крупная родинка справа над верхней губой. Отметина похожа на жука.

– У трупa такая же, – оживилась Буля. – Если кто-то выглядит как Пашкина, имеет родинки как у Пашкиной, то она Пашкина.

– Возможно, – согласилась я, – Аня, поговори с соседями Моисеенко, вдруг они что-то интересное расскажут. Ва-

лера, выясни как можно больше информации о Ларисе Федоровне, съезди в дом, где она жила, поболтай с соседями. Эдя, поройся в компьютере, нам необходимы все сведения о Пашкиной: кто родители, муж, если это ее труп найден около магазина «Ласка», то возникает вопрос: где ребенок? Я хочу еще раз встретиться с Кариной Хлебниковой, у меня возникло ощущение, что лучшая подруга Гортензии не была с нами предельно откровенна. А еще я собираюсь посетить магазин, где нашли труп.

– А я пока поработаю с бумагами, которые составили полицейские, осматривавшие место преступления, – предложил Александр Викторович, – вдруг чего интересное замечу.

Эдита подняла руку.

– Не успела сказать, что у входа в «Ласку» нет камер. Сейчас почти во всех магазинах есть видеонаблюдение. А в этой торговой точке его нет, и охрана у них тоже отсутствует.

– Как это? – удивилась я. – Наверное, ты ошиблась!

– Нет, – отрезала Эдита, – при желании я могу подключиться к любой видеоточке, установленной на улице. У «Ласки» снаружи нет видеонаблюдения. Мне стало интересно, и я проверила, кто стережет лавку. Никто. Они не подключены на пульт, у них нет договора с каким-нибудь серьезным охранным агентством.

– Может, в задней комнате дежурят охранники с оружием? – предположил Ватагин. – Хозяин решил, что живые секьюрити лучше, чем наблюдение. Вор залезет в зал, пока

прикатит патруль, схватит шмотье – и деру, много времени ему не понадобится. А когда сторож на месте, он среагирует сразу.

– Странно, – протянула Эдита, – дед с берданкой – давно ушедший в прошлое персонаж.

– Я имел в виду парней с современными пистолетами, – уточнил психолог.

– Все равно не айс, – уперлась Эдита.

Иван Никифорович поднялся.

– Татьяна, зайди ко мне, есть пара нерешенных служебных вопросов.

Я последовала за боссом, мы поднялись на первый этаж, миновали приемную, в которой у компьютера сидел Антон, помощник Ивана, вошли в просторный кабинет и наконец остались одни. Шеф открыл ящик письменного стола, достал оттуда бархатную коробочку и торжественно произнес:

– Таня, прошу тебя стать моей женой.

Мне стало смешно.

– А где признание в любви?

Иван удивился:

– Разве оно нужно? Я не стану просить руки женщины, не испытывая к ней сильного чувства. Это же понятно. Или ты полагаешь, что у меня есть некий расчет?

Я села в кресло.

– Поскольку жених намного богаче невесты да еще является ее начальником, подозревать в расчетливости надо ме-

ня. Понимаю, ты ко мне неравнодушен, но очень хочется услышать признание в любви.

Иван смутился.

– Ладно.

– Давай, – обрадовалась я.

– Ты согласна? – уточнил Иван.

– Сначала надо выяснить, как потенциальная невеста к тебе относится, – посоветовала я. – Вдруг я соглашусь из корыстных побуждений? А слов «Дорогая Таня, я люблю тебя, любишь ли ты меня?» я пока не услышала.

– Ты не станешь проводить свободное время с человеком, который тебе не нравится, – объявил босс.

– Каждой девушке хочется романтики, – жалобно произнесла я, – чего-то необычного, оригинального, запоминающегося на всю жизнь. Обидно как-то просто принять колечко.

Дверь кабинета без стука распахнулась.

– Не помешал? – спросил Димон.

– Конечно, нет, – обрадовалась я. – Что ты тут делаешь?

– Вообще-то я сотрудник бригады, где ты раньше работала, – заявил Коробков. – Почему не берешь трубку? Обзвонился тебе.

Я вынула из кармана мобильный.

– Прости, у нас было совещание, я отключила звук. Что-то случилось?

– Мы с Лапулей приглашаем тебя и вас, Иван Никифоро-

вич, на нашу свадьбу, – торжественно объявил Димон, – церемония состоится в ресторане «Кавалер» в августе, вот приглашения. Хорошо, что вас вместе застал, меньше по этажам бегать.

– Вы давно женаты, – пробормотала я. – Или я ошибаюсь?

– Штамп в паспорте есть, – кивнул мой друг, – но красивой церемонии мы не устраивали.

– Подожди-ка! – воскликнула я. – Не вчера дело было, но помню, что покупали Лапуле платье, приехали какие-то ее, уж извини за откровенность, не очень приятные родственники, вроде ресторан арендовали...

– Ага, – согласился Димон, – точно. Саму свадьбу помнишь?

– Да нет, – промямлила я, – кажется, не присутствовала на ней. Может, в командировку улетела?

Коробок покачал головой.

– Нет. Родичи Лапули переругались между собой, и торжество отменили. Жили мы тихо, и вдруг зимой Лапуля мне мозг через трубочку высасывать начала. Хочет белое платье, фату, вопли «горько», букет, подарки, имитацию регистрации, короче, кошмар и ужас. Я сначала отказался, но Лапуля расстроилась, заплакала...

Димон махнул рукой.

– Таняша, ты станешь подружкой невесты. Согласна?

– Почту за честь, – ответила я.

– За неделю до торжества тебе надо будет примерить пла-

тье для свадьбы, – продолжал компьютерщик, – приедешь для этого к нам домой.

– Вы решили купить мне наряд? Зачем? – удивилась я. – У меня полно своей одежды.

– Сразу понятно, что ты не замужем, – хмыкнул Димон. Мне почему-то стало обидно.

– Не надо считать меня старой девой. Дважды ходила в загс.

– Не знаю, как выглядела твоя свадьба в первый раз, а во второй я был свидетелем со стороны жениха, – зачем-то пустился в ненужные воспоминания Димон, – вместе с брачующимися (обожаю это слово, глупее его ничего нет) вы забежали в загс в чем были, в книге подписи оставили – и все бракосочетание. Лапуля же мечтает о торжественной церемонии с соблюдением всех тонкостей. Невеста вся в белом, подружки в одинаковых платьях, цвет розовый. Все в этом колере, украшение зала, одежда гостей, еда.

– С ума сойти, – восхитилась я. – А многоярусный торт выкатят?

– Непременно, – пообещал Димон.

– Вот почему, когда я недавно заехала к вам в гости, Лапуля решила снять с меня мерки, – осенило меня, – я очень удивилась, когда она притащила сантиметр, но Лапа объяснила, будто ты по работе летишь в Питер, там разводят особую породу голубых коз, из шерсти которых производят пряжу, а уж ее пускают на вязаные платья. Они продаются толь-

ко в Северной столице, ты хочешь такое мне на день рождения купить... Запудрила мне мозги по полной программе. Вот хитрюга! Она уже тогда к свадьбе готовилась. Почему прямо ничего не сказала?

– Думаю, потому что главное для Лапы устроить сюрприз, – пробурчал Димон, – удивить друзей. Но это я так думаю, а что думает Лапуля, неизвестно никому, даже ей самой.

– Вопросов нет, – улыбнулась я.

– Только не вздумай Лапе сказать, что я тебе про прикид растрепал, – испугался Димон.

– Козы в Питере? – с запозданием усомнился Иван. – Немного странно.

– Лапуля не всегда складно врет, – объяснила я.

– Да она вообще лгать не умеет, – сказал Димон.

– Что вам купить? – деловито поинтересовался босс. – А то притащу никчемный подарок.

– Вроде все у нас есть, – пожал плечами Димон.

– Постельное белье всегда пригодится, – решила я, – комплектов много не бывает, уточню у Лапули размер кровати.

– Не надо, – замахал руками друг, – она обожает сюрпризы.

– Тогда сам померяй, – велела я.

– Ладно, – согласился Димон. – Надеюсь, никто из вас не забудет про приглашение?

– Ну что ты, – хором ответили мы с Иваном.

Коробков направился к двери.

– Можешь рассказать, как ты делал жене предложение руки и сердца? – спросила я.

Коробок притормозил и обернулся.

– Лапа очень романтична, поэтому она хотела, чтобы я нанял карету, запряженную белыми лошадьми, сам сел на коня с розовой гривой, прискакал к нашему дому, спел под гитару серенаду, потом залез по трубе на балкон и протянул ей коробочку с кольцом.

– Здорово, – пробормотала я, – красиво. И ты так поступил?

Димон засмеялся и ушел от ответа. Я посмотрела на Ивана.

– Я вывалюсь из седла, – быстро сказал тот, – и побаиваюсь лошадей, у них зубы здоровенные. По трубе мне тоже карабкаться слабо, природа не оснастила меня присосками на ладонях и ступнях. И ты живешь на двенадцатом этаже, мне туда никогда не доползти, я и до второго не доберусь.

– Ну это же придумала Лапа, – грустно сказала я, – тебе надо что-то свое организовать. Знаешь, никто ради меня никогда не совершал романтических поступков.

Иван посмотрел на бархатную коробочку.

– Значит, кольцо не возьмешь?

Я дала зданий ход.

– Принимаю твоё предложение.

Шеф откинул крышку и подал кольцо мне.

– Нравится? Померяй!

– Оно прекрасно, – честно ответила я, надевая колечко с камнем. – Ой! Велико.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.